

АДВОКАТСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Наталья Борохова

Адвокат-невидимка

Адвокатский детектив

Наталья Борохова

Адвокат – невидимка

«ЭКСМО»

Борохова Н. Е.

Адвокат – невидимка / Н. Е. Борохова — «Эксмо»,
— (Адвокатский детектив)

Молодой адвокат Елизавета Дубровская восхищалась своим маститым коллегой Владимиром Лещинским и даже помыслить не могла, что вскоре увидит его на скамье подсудимых! В постели известного ловеласа Лещинского обнаружили задушенную девушку, и все улики указывали – это сделал именно он. Только Дубровская не сомневалась: ее клиента подставили, хотя Лещинский вовсе не интересовался мнением Лизы, считая своего защитника лишь статистом на этом процессе. Но вскоре девушка раскопала в прошлом адвоката нечто, заставившее ее усомниться в его невиновности...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	29
Глава 7	35
Глава 8	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Наталья Борохова

Адвокат–невидимка

Глава 1

В зале судебных заседаний № 323, без преувеличения, могло разместиться небольшое футбольное поле. Но в день, когда началось рассмотрение уголовного дела против господина Кренина, там яблоку негде было упасть. Публика, пропущенная через рамку металлоискателя, несколько присмирившая под сводами Дворца правосудия, ожидала сенсаций. Взгляды зрителей были прикованы к скамье подсудимых, на которой, за пуленепробиваемым стеклом, восседал главный фигурант уголовного дела.

Господина Кренина, даже в столь плачевной ситуации, сложно было назвать подсудимым. Высокий холеный мужчина, в дорогом костюме, явно сшитом на заказ, казалось, только что вышел из своего кабинета в городской администрации для того, чтобы запросто пообщаться с народом. Его лицо, чисто выбритое и увлажненное дорогим кремом, выражало скуку и пресыщенность. Он чуть выпячивал нижнюю губу, так что со стороны это казалось проявлением брезгливости ко всему, что происходило вокруг, и ко всем собравшимся одновременно. Кренин изучал потолок, в то время как публика изучала его. Ему было наплевать на чувства сидящих в зале, и народ это чувствовал, не особо скрывая при этом свое злорадство.

Другой заметной фигурой в зале был, вне всяких сомнений, государственный обвинитель Немиров. Всем, кто был хоть немного знаком с расстановкой сил в юридическом мире большого города, было известно, что само участие в процессе этого прокурора означает особую значимость уголовного дела. Немиров знал закон, как свои пять пальцев, имел бульдожью хватку и каждого подсудимого воспринимал как личного врага. Но сегодня бравый обвинитель чувствовал себя не в своей тарелке, и виной тому было даже не то обстоятельство, что дело рассматривалось судом присяжных. Он без особого интереса листал свои записи и изредка поглядывал в сторону входа. Со стороны казалось, что он кого-то поджидает. Но, когда дверь распахнулась, пропуская в зал высокого представительного мужчину, прокурор тяжело вздохнул – зря он надеялся на счастливую случайность, Лещинский все-таки пришел.

При появлении известного адвоката публика едва ли не встала со своих мест в знак приветствия. Лещинский слегка поклонился, словно был не в зале заседаний, а на сцене. По рядам пробежал оживленный шепоток, кто-то даже захлопал в ладоши. У Немирова свело судорогой челюсти. Он едва нашел в себе силы кисло улыбнуться в ответ на адресованное ему приветствие.

Публику можно было понять. Лещинского называли королем среди защитников. Он не проиграл пока ни одного громкого дела, и его участие в процессе гарантировало успех. Правда, злые языки величали его Королем грязи, поскольку на пути к своей цели он не брезговал ничем. Справедливости ради следовало бы заметить, что истина, как всегда, находилась где-то посередине. Успешных и одаренных, как правило, не особо жалуют. Тем более что сам Владимир Лещинский был отличной мишенью для завистников. Импозантный мужчина, в самую пору зрелости, с легкой сединой на висках, неизменно вызывал у женщин чувство немомго обожания. Представители сильного пола, абстрагируясь от кинематографической внешности известного защитника, уважали его за острый ум и оборотистость. В общем, о нем говорили много разного. Но если речь заходила о защите по какому-нибудь безнадежному делу, становилось ясно: лучшего адвоката, чем Лещинский, все равно не найти!

– Государственный обвинитель, вам предоставляется вступительное слово, – произнес судья, объявляя тем самым начало судебного следствия.

Немиров встал, по привычке проверяя, все ли пуговицы на его мундире застегнуты, и, обращаясь к присяжным, произнес краткую вступительную речь:

– Уважаемые присяжные заседатели! Вам предстоит решить вопрос о виновности человека, находящегося сейчас на скамье подсудимых. Вы, вне всяких сомнений, видели его ранее на экранах телевизоров и знаете, что он занимал высокий пост в администрации города. Он заведовал комитетом по имуществу и, образно говоря, был хозяином в нашем с вами общем доме. Тем чудовищнее кажется преступление, в котором он обвиняется. Кренин изнасиловал и убил молодую женщину, бывшую на протяжении последнего года его личным секретарем. Причем сделал он это цинично и нагло в ее собственном доме, в ее собственной постели.

Обвинение представит вам неопровержимые доказательства его виновности. Выслушав наших свидетелей, изучив вещественные доказательства, вы придете к единственно верному решению: признать подсудимого виновным и назначить ему наказание без учета смягчающих обстоятельств. Ведь оправдания господину Кренину нет!

Немиров поставил в конце жирный восклицательный знак, надеясь, что присяжные разделят его праведное возмущение. Обвинитель знал, что выбрал верную тактику, напирая на то, что подсудимый занимал в недалеком прошлом ответственный пост и, казалось бы, относился к касте неприкасаемых. Но и его настиг карающий перст Закона, и сегодня судьба именитого чиновника решалась теми, кого он совсем недавно видел только из салона своего роскошного «БМВ». Присяжные заседатели, обыкновенные горожане, доведенные до ручки дурным содержанием собственных подъездов и дворов, обилием на улицах бомжей и дворовых собак, не могли испытывать к такому человеку симпатии. Каждый из них был только рад редкой возможности свести счеты с обнаглевшим чиновником, тем более оказавшимся насильником и убийцей. Это обвинение было как нельзя кстати. Где вы видели, чтобы за мусорные кучи во дворах давали пожизненное заключение? А теперь появилась хорошая возможность, в полном соответствии с законом, засадить преступника за решетку и навсегда потерять от нее ключи.

Немиров был уверен, что присяжные думают именно так, и у него были бы блестящие шансы на победу, если бы не присутствие в зале его процессуального противника. От Лещинского можно было ожидать всего чего угодно...

– Ваше слово, адвокат Лещинский! – произнес судья, и взгляды присяжных, как по команде, переместились в сторону защитника.

– Господа присяжные! – обратился он к ним на старомодный манер, однако затем, по всей видимости, не удовлетворившись огромной дистанцией между ним и местом для вновь избранных судей, подошел ближе к скамье и, опершись на деревянные перила, продолжил: – Государственный обвинитель был неправ. Господин Кренин ни в чем не виноват, и вы сможете убедиться в этом очень скоро. Взгляните на него. Разве он похож на особо опасного преступника? – Лещинский усмехнулся. – Не более, чем мы с вами. Благодарю за внимание!

Он вернулся на место...

Присяжные переглянулись. Они чувствовали себя обманутыми: ожидали от защитника театрализованного действия, а получили вместо этого выход с поклоном. На их лицах явно читалось разочарование.

«Боже мой! – думал Немиров. – Да эта самая беспомощная речь, которую я когда-либо слышал. Похоже, Лещинский выдохся. Странно, почему я его так боялся?»

Судья тоже не скрывал своего замешательства. Пожав плечами, что должно было означать недоумение, он обратился к сторонам:

– Ну, что же! Тогда перейдем к изучению доказательств. Государственный обвинитель готов к их представлению?

Немиров встал и, скопировав фирменный поклон своего противника, ответил:

– Разумеется, ваша честь! Я вызываю в зал заседаний потерпевшего Лежнева...

Лежнев был молод и плечист. Поигрывая накачанными мускулами, заметными даже под тонким шерстяным джемпером, он не производил впечатления человека, легко прощающего обиду.

– Да. Погибшая приходилась мне сестрой. Я очень любил Лару, – говорил он, отвечая на вопрос прокурора.

– Известно ли вам, в каких отношениях была ваша сестра с подсудимым Крениным?

Мужчина вздохнул, словно ответ требовал от него физических усилий.

– Они были любовниками. – Попробовав на вкус фразу, Лежнев остался недоволен. – Не подумайте ничего такого. Лара была приличной девушкой. Она просто мечтала о семейном счастье.

– Но подсудимый, как известно, уже был женат?

– Да, но он рассказывал ей, что его семья находится на грани развода. Кренин говорил, что не любит свою жену и собирается развестись.

– Известная уловка, не так ли?

– Может, оно и так. Но не забывайте, Ларе было всего двадцать лет. Она была молода и наивна.

– А у вас есть соображения, по какой причине Кренин убил ее?

Вопрос был задан с нарушением установленных правил ведения допроса, и председательствующий уставился на адвоката, дожидаясь от него возражений. Однако Лещинский улыбался чему-то и рассматривал свои ухоженные руки. По всей видимости, известный защитник не ленился посещать салон красоты. Ногти у него были отполированы до блеска, а кожа рук, не испорченная физическим трудом, казалась белой и чистой, как у пианиста.

Не дождавшись возражений, судья все-таки стукнул молоточком.

– Государственный обвинитель! Вы просите свидетеля сделать выводы, основанные на его умозаключениях. Суд же интересуется только факты.

– Простите, ваша честь. Я снимаю вопрос. Скажите, Лежнев, а вы видели на теле своей сестры какие-нибудь телесные повреждения?

Потерпевший помрачнел.

– Вы имеете в виду еще при жизни?

– Разумеется, так.

– Видел, – выдохнул Лежнев и посмотрел на подсудимого мрачным долгим взглядом. – Однажды на бедрах Лары, на пляже, я заметил хорошо различимые кровоподтеки. Сестра старательно прикрывала их полупрозрачной накидкой. Приглядевшись получше, я увидел похожие следы на шее и руках.

– Вы спросили о происхождении этих следов?

– Конечно. Лара была сильно смущена и долгое время не хотела мне отвечать. Но я был настойчив, и она поведала, что эти кровоподтеки причинил ей Кренин.

– Он избивал ее?

– Да нет. Просто у него была своеобразная манера заниматься любовью. Он обожал насилие. Кренин заставлял Лару сопротивляться. Видите ли, только так он мог получить удовлетворение.

– Вы хотите сказать, подсудимый был садистом?

Судья бросил взгляд на адвоката:

– Защитник, у вас нет возражений по поводу поставленного вопроса? Он носит явно наводящий характер.

Лещинский оставил в покое собственные руки.

– Конечно, ваша честь! Я возражаю.

– Спасибо, что снизошли до нас, – поблагодарил его судья. – У вас будут вопросы к свидетелю?

– Нет, ваша честь, – проговорил защитник, нехотя приподнимаясь с места.

– В зал заседаний приглашается свидетельница Ковалева!

Вошла благообразная женщина, по виду напоминающая школьную учительницу. Сходство довершал длинный серый костюм безо всяких излишеств и скучный пучок на голове, скрепленный шпильками.

– Я долгое время являлась секретарем господина Кренина... – произнесла она.

– Позвольте, а кем же тогда была потерпевшая Лежнева? – спросил прокурор, вполне натурально изобразив недоумение.

– Она была *личным* секретарем, – произнесла женщина, и присяжным почудился скрип ее зубов.

– Что вы имеете в виду под понятием *личный* секретарь?

– Разумеется, вам лучше спросить об этом господина Кренина. Но могу сказать, что в мои обязанности входило получение и отправление корреспонденции, планирование рабочего графика господина Кренина, встреча посетителей в его приемные дни, а также деловые звонки, бумажная волокита, ремонт оргтехники, покупка расходных материалов...

– Позвольте, а чем же занимался тогда личный секретарь? – перебил Ковалеву обвинитель.

– Лара готовила ему кофе.

– Что? И это все?

Женщина пожевала губами, скрывая насмешку:

– Ну, она еще сопровождала его на различные мероприятия.

– А в каких отношениях был ваш начальник со своим личным секретарем?

– Разумеется, в самых близких.

– Почему вы так решили?

– Господин Кренин по громкой связи вызывал к себе Лежневу: «Зайдите ко мне, Ларочка. Надо поработать с документами. Зоя Петровна, проследите, чтобы нам не мешали». Последняя реплика была адресована, конечно, мне. После этого задвижка на двери, ведущей в кабинет, закрывалась. Лежнева появлялась в приемной примерно через час, поправляя на себе юбку и избегая встречаться со мной взглядом. Часто она казалась мне расстроенной.

– Я так понимаю, вы осуждали девушку?

Женщина удивилась:

– Отнюдь! Я жалела Ларочку. Видит бог, она была неплохой девушкой, но чрезвычайно стеснительной и робкой. Кроме того, у нее было сложное материальное положение, и лишиться работы для нее было равносильно самоубийству. Она угождала начальнику от безысходности, а не из-за склонности к разврату.

– Благодарю вас...

– У защитника будут вопросы к свидетелю?

Лещинский посмотрел на судью так, словно тот отвлек его от какого-то важного дела.

– У меня нет вопросов, ваша честь!

Судья смерил адвоката недоверчивым взглядом.

– Защитник, вы понимаете, что упускаете возможность допросить важного свидетеля?

– А зачем мне ее допрашивать? Ковалева кажется мне кристально честной женщиной.

У прокурора отвисла челюсть.

«Да, у Лещинского и в самом деле съехала крыша. Он даже не пытается бороться. Ну, что же! Во всяком случае, это мне только на руку...»

Глава 2

Гром грянул в пятницу, после обеда.

– В зал вызывается свидетельница Кренина Василиса Павловна, – произнес государственный обвинитель, и взгляды присутствующих обратились в сторону двери, откуда должна была появиться супруга подсудимого.

Она шла к свидетельской трибуне, как приговоренная к смертной казни направляется на эшафот. Ее обшаривали десятки любопытных глаз, стараясь найти на лице смятение и страх. Ей в спину неслись приглушенные смешки, словно она обвинялась в чем-то постыдном. В глазах присяжных читались жалость и презрение. Грязное белье господина Кренина, вытряхнутое при всем честном народе, запоганило и ее саму, без вины виноватую.

– Вы являетесь супругой подсудимого? – задал первый вопрос государственный обвинитель, и все затаили дыхание.

– Совершенно верно, – раздался ровный, спокойный голос. – Я являюсь обманутой женой господина Кренина.

– Объясните, пожалуйста.

Женщина пожала плечами.

– Я полагаю, все уже знают о том, что у моего мужа была любовница, Лара Лежнева. Я – не исключение. Мне это было известно задолго до того, как муж предстал перед судом.

Сказано это было нейтральным тоном, без малейшего намека на истерику.

Присяжные повнимательнее взглянули на свидетельницу и словно впервые обнаружили, что перед ними находится еще вполне привлекательная женщина, с аристократической посадкой головы и безупречными манерами. Она прекрасно владела и собой, и своими эмоциями. Только в ее серых глазах, казалось, навсегда застыла печаль.

– Вы выражали свое недовольство супругу относительно его связи на стороне? – поинтересовался обвинитель.

Кренина горько усмехнулась.

– Разумеется. Но до моих возражений ему не было никакого дела. Он был увлечен молодой, хорошенькой девушкой. Вы знаете, через что мне пришлось пройти? – Свидетельница повернулась лицом к скамье присяжных, отыскивая глазами женщин-единомышленниц. – Все эти возвращения за полночь, запах чужих духов и следы помады на рубашке, неловкие отговорки... Каждый, кто сталкивался с этим, поймет меня. Я пыталась сохранить брак, но безуспешно. Видите ли, я не могу иметь детей, по медицинским показаниям, и, должно быть, мне следовало уступить, отдать его сопернице...

– Мне кажется, подсудимый меньше всего стремился к продолжению рода! – ухмыльнулся прокурор, и судья, без всякой надежды взглянув на дремлющего защитника, стукнул молоточком.

– Государственный обвинитель, не забывайте, мы с вами не в театре. Уберите все эти ненужные эффекты. Присяжные сами сделают выводы.

– Простите, ваша честь, – опомнился Немиров. – Продолжайте, Василиса Павловна.

Он взглянул в лица присяжных и понял, что свидетельница покорила их своей прямоотой и искренностью. Нужно было быть березовым чурбаном, чтобы не испытывать к ней сочувствия.

– ...Однажды я собиралась отдать его костюм в чистку и обнаружила в кармане брюк носовой платок с засохшей... спермой, – говорила она. – А в следующий раз мне попались женские розовые трусики с буквой «Л»...

Все присяжные-женщины взирали на подсудимого так, словно перед ними был их собственный муж, уличенный в измене. Прокурор еле сдержался от того, чтобы не потереть руки, выражая полное удовлетворение.

– Вы знали, где жила соперница?

– О, да! Это несложно было сделать. Секретарь Ковалева дала мне ее адрес, и я, приехав туда однажды вечером, увидела во дворе припаркованный автомобиль мужа.

– Скажите, свидетельница, а у вашего супруга были э-э-э... как бы лучше выразиться? Были ли у него не совсем обычные сексуальные пристрастия? – спросил Немиров, с опаской взглянув в сторону судьи.

Женщина покраснела, испытал неловкость.

– Мне трудно говорить об этом, ведь в последнее время у нас не было близости. Но мой муж всегда был немного напорист... Если вы понимаете, что я имею в виду. Он мог причинить боль намеренно. Кстати говоря, в нашем доме появились кассеты совершенно гнусного содержания, со сценами насилия, группового секса. Мне было не по себе, когда муж, закрывшись в гостиной, просматривал их.

Прокурор радостно закивал головой:

– Обращаю внимание присяжных, что порнографические кассеты со сценами извращенного секса были приобщены к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств.

Присяжные зашевелились на своих местах, должно быть, обсуждая, покажут ли им запретные фильмы. На лицах многих слушательниц появилось брезгливое выражение. «Извращенец!» – хотелось плюнуть им в адрес подсудимого.

Спокойным оставался лишь адвокат Лещинский. Сидя на своем месте, он что-то рисовал в блокноте. Судя по всему, забавные рожицы, поскольку с его лица не сходила какая-то блаженная улыбка.

Беспокойство начал выражать даже подсудимый. Ерзая на своем месте, он готов был заложить душу дьяволу, лишь бы узнать, о чем размышляет его чертов адвокат в тот момент, когда их дело несется по наклонной плоскости вниз.

– Свидетельница, вы что-нибудь хотите сообщить суду насчет того дня, когда было совершено убийство Лары Лежневой?

Василиса Павловна набрала в грудь больше воздуха. Ей предстояла нелегкая задача, ведь о том самом дне она знала очень много...

– В тот день между нами вспыхнула нешуточная ссора. Я сказала мужу, что больше не намерена терпеть его измены. Он грязно выругался и ушел, хлопнув дверью. «Поехал к Ларе», – подумала я. Осознавая, что больше не могу и дальше жить во лжи, я решила встретиться с любовниками – необходимо было раз и навсегда решить эту проблему. Сев за руль, я проследовала на знакомую мне улицу.

Автомобиль супруга стоял, как и обычно, на своем месте, под раскидистым кленом. Я долгое время сидела в салоне своей машины, обдумывая, как себя повести в квартире любовницы моего мужа. Подняв глаза, я видела наглухо зашторенные окна спальни и понимала, что сейчас они наверняка занимаются любовью. У меня дрожали руки, путались мысли в голове, но я все не решалась идти к ним, как, впрочем, не собиралась и уезжать обратно.

– Сколько времени вы просидели в машине?

– Где-то около часа. Когда я приехала, было около десяти часов вечера. Уже стемнело.

– У вас с собой были часы? – спросил прокурор, предвосхищая возможный вопрос адвоката.

– Да. В автомобиле, на передней панели, прямо перед глазами. Кроме того, работало радио. Транслировали постановку по роману Агаты Кристи. Дайте-ка вспомнить... Актер вскрикнул: «Вот те на, да она мертва!» Я вздрогнула. В это время дверь подъезда отворилась,

и на улицу выбежал мой супруг. Казалось, он страшно куда-то торопится: когда сел в машину, по всей видимости, перепутал передачу и задел задним бампером клен. Не выясняя, что произошло, он рванул вперед и на бешеной скорости помчался со двора.

– Вы не вспомните, что показывали часы в тот момент, когда ваш супруг покидал дом Лежневой?

– Одиннадцать с минутами.

– Благодарю, – расщедрился на улыбку обвинитель и, обращаясь к присяжным, произнес: – Обращаю ваше внимание, что время смерти Лежневой Ларисы было установлено экспертом весьма в узких пределах: с девяти до одиннадцати часов вечера. Это значит, что, когда наша свидетельница смотрела на окна спальни из салона своего автомобиля, там происходило убийство!

Прокурор взглянул в сторону судьи, и не напрасно. Тот стукнул молоточком и, глядя почему-то на защитника, тоном, не предвещающим ничего хорошего, произнес:

– Я вас еще раз прошу соблюдать закон! Выводы будут делать присяжные в совещательной комнате.

Немиров смиренно потупил взор:

– Извините, ваша честь! Вырвалось...

– Надеюсь, у защитника будут вопросы к свидетельнице Крениной? – спросил председательствующий.

Лещинский встрепенулся, словно только что вернулся с небес на землю. Судья явно хотел от него что-нибудь услышать.

– Пожалуй, ваша честь! – Он повернулся к свидетельнице, смерил ее с головы до пят долгим взглядом, зачем-то ухмыльнулся: – Вы что-то говорили про Агату Кристи?

– Я? – удивилась женщина. – Ну да, говорила про постановку ее романа на радио.

– А! Так это была постановка? – обрадовался защитник.

– Надеюсь, вы слышали допрос свидетеля? – недобро поинтересовался судья.

– Конечно, ваша честь! Но меня удивило то, что госпожа Кренина, сидя в салоне автомобиля «с дрожащими руками и путающимися мыслями», способна слышать голоса актеров. Как вы сказали? – Он наморщил лоб: – «Она мертва!» Это что, выдумка?

– Это не выдумка! – обиделась женщина. – Там говорили еще что-то такое: «Она по-прежнему сидела в кресле, спиной к ним. Лишь подойдя ближе, они увидели ее лицо – распухшее, с синими губами и вытаращенными глазами».

– Вы что, цитируете протокол осмотра трупа Лежневой?

– Нет, это всего лишь театральная постановка! – ответил за женщину прокурор. – Мной была взята распечатка вечерних радиопрограмм. Можете убедиться, что с девяти до одиннадцати часов вечера на «Домашней волне» транслировали «Убийство в доме викария» по роману Агаты Кристи.

– И в этом нет никаких сомнений? – огорчился адвокат.

– Абсолютно никаких! – расцвел прокурор. – Эта распечатка находится у меня, и присяжные могут ознакомиться с ее содержанием.

– Тогда мне нечего сказать, – развел руками адвокат.

– Прошу разрешения у суда ознакомить присяжных с выводами генетической экспертизы, – заявил обвинитель, и судья коротко кивнул ему в знак согласия.

Немиров, стоя перед присяжными, раскрыл том уголовного дела.

– Итак, уважаемые заседатели! При осмотре места происшествия на кровати потерпевшей был обнаружен человеческий волос. Короткий, темного цвета. Он был изъят, надлежаще упакован и представлен на исследование. Эксперт, тщательным образом изучив волос, сопоставил его со сравнительными образцами, изъятными у подсудимого Кренина. К каким же выводам он пришел?

Немиров прошелся пальцем по заключению, отыскивая нужный абзац, затем его лицо озарилось радостной улыбкой. Со стороны казалось, что он впервые видит выводы эксперта и искренне доволен результатами.

– Волос, обнаруженный в постели Ларисы Лежневой, мог принадлежать подсудимому Кренину! – громко оповестил он присяжных. – Степень вероятности, установленная экспертом, равна 99, 999 %. Вы понимаете, что это значит?

Присяжные понимали и кивали головами, поддерживая обвинителя. За плечами Немирова уже вырастали крылья грядущей славы.

«Если и дальше все пойдет так, – рассуждал он, – я разделаю этого сукина сына уже к концу следующей недели». Конечно, он имел в виду Лещинского...

– У защиты будут какие-либо комментарии к проведенной по делу экспертизе? – спросил судья.

Адвокат нехотя закрыл ежедневник.

– Оспаривать заключение эксперта-генетика? – переспросил он. – Помилуйте.

– Совершенно с вами согласен, – расплылся в сладкой улыбке прокурор...

– Ваша честь! Я прошу разрешения ознакомить присяжных с фотографиями места происшествия, – заявил Немиров очередное ходатайство.

Председательствующий невольно поморщился. Он видел эти снимки. Молодая девушка, задушенная в своей постели, с лицом, искаженным смертельной судорогой. Ужасная картина!

– Мнение защитника?

Лещинский оторвался от своих бумаг.

– Как посчитаете нужным, ваша честь! – небрежно бросил он.

– То есть вы ставите разрешение такого важного вопроса на усмотрение суда? – поразился председательствующий.

– Я безгранично верю в вашу мудрость, – ответил Лещинский.

С ним определенно было что-то не так. Обычно защитники горячо протестовали против обнародования в суде присяжных шокирующих фактов, к которым, прежде всего, относили фотографии с места происшествия. Дело в том, что заседатели, увидев залитый кровью пол и обезображенное тело жертвы, легко поддавались своим эмоциям. Что бы потом ни говорил защитник, какими бы цитатами он ни сыпал, они видели перед глазами только страшную картину злодеяния. Все аргументы о возможной невинности подсудимого пролетали мимо ушей, не цепляясь даже за краешек сознания. Зная эту особенность присяжных, судья не раз удовлетворял ходатайства защитников и запрещал показывать снимки прокурору. Но сегодня адвокат в своей безалаберности явно хватил через край.

Судья посмотрел на Кренина и внезапно принял решение.

– Я разрешаю показать присяжным фотографии...

Государственный обвинитель, взяв в руки пухлый том уголовного дела, подошел к скамье присяжных. Те, вытянув шеи, уставились на злополучные снимки. Некоторые заседатели, с последнего ряда, даже встали со своих мест для того, чтобы лучше разглядеть ужасающие подробности.

– Не беспокойтесь, – увещевал их прокурор. – У каждого будет возможность посмотреть фотографии.

Он победоносно взглянул на Лещинского. Но тому не было дела до всеобщего ажиотажа. Кажется, на этот раз он изучал собственный ежедневник.

Между тем присяжные разволновались не на шутку. Наиболее впечатлительные ахали, поднося руки к лицу. Те, кто покрепче, хранили молчание, но при этом выразительно посматривали на подсудимого.

В общем, когда председательствующий объявил перерыв до понедельника, накал напряжения в зале уже достиг своей высшей точки.

– Зачем перерыв? – услышала секретарь недовольную реплику. – Мы бы осудили его уже сегодня.

Глава 3

В понедельник, когда должен был начаться допрос свидетелей защиты, уже никто не ожидал сенсаций. Наблюдатели сходились во мнении, что подсудимый, конечно же, виновен. Вопрос был в одном, как скоро ему вынесут обвинительный вердикт и какую меру наказания определит судья. Интерес к делу заметно поостыл, и журналисты, имеющие особый нюх на жареные факты, уже разбежались по другим делам.

Когда за несколько минут до начала процесса в зал заседания вошла свидетельница Кренина, ее встретили не смешками и перешептыванием, а сочувственными взглядами и почтительным молчанием. Над ее головой, казалось, светился невидимый нимб мученицы, и зрители жалели ее от всей души. Не так легко быть женой богатого извращенца! Кто-то из женщин уступил ей место в первом ряду, и Василиса Павловна поблагодарила ее слабым подобием улыбки.

Процесс продолжился.

– Госпожа Кренина, прежде чем я начну допрашивать свидетеля, позвольте вам задать небольшой вопрос, – сказал Лещинский.

Кренина поднялась со своего места, невозмутимая и уверенная в себе, как и раньше.

– Сколько книг Агаты Кристи вы прочитали, прежде чем прийти на процесс?

Василиса Павловна недоуменно уставилась на адвоката, а потом уже и на судью:

– Я что, должна отвечать на такие вопросы?

– Протест, ваша честь! – спохватился Немиров. – Ответ не имеет отношения к делу.

Судья посмотрел на защитника:

– Адвокат может объяснить свой вопрос?

Лещинский улыбнулся:

– Конечно, ваша честь! – Он достал из своего портфеля небольшую потрепанную книжку и выразительно прочитал: – «Она по-прежнему сидела в кресле спиной к ним. Лишь обойдя его, они увидели ее лицо – распухшее, с синими губами и вытаращенными глазами. „Вот те на! Да она мертва!“ – воскликнул Блор». Похоже на то, что вы нам говорили, не правда ли, Василиса Павловна?

– Именно так оно и звучало, – подтвердила она.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– Ну, что же! – пожал он плечами и, перевернув книжку, показал присяжным ее обложку, на которой витиеватыми буквами было написано «Агата Кристи. Десять негрят».

– Ну и что вы хотите этим сказать? – не выдержал прокурор. – Какой в этом смысл? Это же Агата Кристи!

– Верно, – согласился Лещинский. – Свидетельница воспроизвела нам дословно цитату из «Десяти негрят» Агаты Кристи, но в распечатке, которую вы нам представили в процесс, значилось, что транслировалась постановка по роману «Убийство в доме викария».

– Все равно, ничего не понимаю. Куда вы клоните?

– Сейчас все прояснится, уверяю вас. Но для начала я вызову в зал заседаний свидетеля Константина Проскурова...

Константин Проскуров был молод и красив. «Как картинка», – думали про себя женщины, оглядывая его ладную спортивную фигуру и смазливое лицо. Золотистые кудри, голубые глаза, пухлые розовые губы делали его похожим на большого ребенка. Между тем «мальчику» еще несколько лет назад минуло двадцать.

– Константин, кого вы знаете из присутствующих в этом зале?

Проскуров кинул настороженный взгляд в сторону подсудимого.

– Знаю вон того! – ответил он, ткнув пальцем в Кренина. – Видел его в телевизоре, а еще на фотографии в газете.

– А еще, Константин, кого вы знаете? – спрашивал Лещинский. – Будьте благоразумны, ведь вы находитесь под присягой.

– Еще? – розовые губки надулись, как у ребенка.

«Э-э! Да он туп, как пробка», – с облегчением вздохнули мужчины. Им не доставляло удовольствия созерцать мужскую красоту, а осознание того, что прелестный юноша обладает ко всему прочему куриными мозгами, приятно грело душу.

– Я знаком с ней! – Он ткнул пальцем в Василису Павловну.

Лицо женщины приобрело цвет томата.

– И кто же это? – спросил защитник.

– Василиса, – бесхитростно ответил свидетель. – Она, в каком-то роде, моя невеста!

По рядам пробежал шепоток. Судья стукнул молоточком.

– Тишина в зале!

– Подождите, Константин, – остановил Проскурова защитник. – Я правильно вас понял: вы собирались заключить брак с гражданкой Крениной? Когда же?

– Да когда закончится этот процесс! – выложил Проскуров.

– Минуточку, Константин! – недоумевал защитник. – Но Василиса Павловна, между прочим, замужем. А вон тот господин на скамье подсудимых – ее муж.

– Знаю, – ответил свидетель. – Но она разведется с ним, когда его посадят, и выйдет замуж за меня.

– Что, она сама так и сказала?

– Да, она сказала. Еще она говорила, что я намного лучше его... во всех отношениях. Ну, вы понимаете, о чем я говорю?

– Не совсем. Поясните.

– Ну, в смысле секса. – Он облизнул пересохшие губы.

– Ах, вот оно что! – воскликнул защитник. – А ее муж, стало быть, уже никуда не годится?

– Примерно так она и говорила. Полный ноль! Ей приходилось даже покупать кассеты для того, чтобы удовлетворять себя. Представляете?

– А что это за кассеты? – осторожно поинтересовался защитник.

– Ну, специальные кассеты с групповухой. Понимаете?

– Вздор! Это кассеты ее мужа, – возмутился Лещинский.

– Ну, конечно! – захихикал свидетель. – Зачем бы тогда она их прятала в ящике со своим нижним бельем?

– Дурак! – раздался громкий и отчетливый голос с первого ряда.

– Госпожа Кренина, потрудитесь держать эмоции под контролем, – сказал судья. – Недолго вас вывести из зала.

Присяжные уставились на Василису, пытаясь осознать только что услышанные факты. Как эта ангелоподобная женщина умудрилась вляпаться в самую грязь? Сидевшие рядом с ней мужчина и женщина отодвинулись в сторону, словно боясь испачкаться.

На лицо Константина набежала тучка. Он затравленно посмотрел на свою госпожу, ожидая очередной нахлобучки.

– Но, Василиса, – капризно протянул он, – ты же сама говорила, что нам некого стесняться?

Лещинский охотно согласился:

– Абсолютно некого! Здесь все свои. Но ответьте, что скажете вы про мужа вашей любовницы?

– Что сказать? Обыкновенный мужик. Целый день торчит на работе, – пожал плечами Проскуров.

– Тут утверждали, что он занимался не только работой, – многозначительно произнес Лещинский, поглядывая на своего подопечного. – У него была любовница!

– Знаю. Ларка! – ответил Константин.

– В каком смысле вы ее знаете?

– Да в прямом. Встречались с ней пару раз. Скажу вам, она была еще та штучка! Все жениха себе богатого искала. Но я, понятно, не из той породы. Поэтому у нас ничего не вышло. Правда, триппером она меня все же наградила.

– Вы имеете в виду гонорею? – брезгливо сморщился защитник.

– Ее, лихоманку! – подтвердил свидетель. – После этого я завязал с молоденькими. С ними одна морока!

– Ну, так что вы еще скажете про Ларису Лежневу? – вернулся к прежней теме защитник.

– А ничего не скажу! Спуталась она с Крениным. Видимо, ожидала, что он женится на ней. Василиса через нее кучу неприятностей пережила. Ревновала страшно.

Лещинский украдкой взглянул на присяжных. Теперь уже свидетельство о душевных муках госпожи Крениной не вызвало в них положительного отклика.

– Погодите, Проскуров! Как же она ревновала своего мужа, если, как вы утверждаете, Кренина была влюблена в вас?

– Уж не знаю, как это у нее получалось. Но она говорила, что отольются ему ее слезки, что он будет жалеть о своем блуде до конца жизни. Но ведь обманутую женщину легко понять!

– Конечно, конечно! – заверил защитник, многозначительно поглядывая на присяжных.

Кренина сидела, полыхая румянцем.

– Вам известно, что Лара Лежнева мертва? – спросил защитник.

– Как не знать! Не повезло ей, – изрек Проскуров.

– Но вам известно, кто ее убил?

Лицо Константина выразило искреннее недоумение.

– Конечно, известно! Об этом во всех газетах пишут. Лару убил Кренин, разве не так?

– Да, об этом пишут в газетах, – согласился Лещинский.

– А если так пишут, значит, это и есть правда! – убежденно воскликнул Проскуров. – Не думаете же вы, что это сделала Василиса?

– А почему бы и нет? – защитник даже удивился своему внезапному открытию. – Ведь вы что-то говорили об ее ревности?

– Э-э, нет! – всполошился вдруг молодой любовник. – Василиса на это не способна. Мало ли что я вам говорил!

– Господин Проскуров, каждое произнесенное вами слово записывается в протокол! – сурово сказал Лещинский, кивая в сторону секретаря. – Вы только что сказали нам, что у вашей подруги был мотив желать смерти Ларисы Лежневой.

– Да что это вы! – испугался пуще прежнего Константин. – Не делала она это, поверьте. Кроме того, у нее есть алиби. Вот!

– Алиби?! – не поверил своим ушам Лещинский. – А вы хотя бы понимаете значение слова «алиби»?

– Понимаю, не дурак, – едва оправился от шока Проскуров. – Это значит, что Василиса была в другом месте в тот момент, когда убивали Ларку. Ведь это правильно?

– Примерно так, – неохотно согласился Лещинский. – Ну и где же была Василиса Павловна?

Константин набрал полную грудь воздуха.

– Она была со мной! – громко выдохнул он и уставился на присяжных.

Лещинский покровительственно улыбнулся.

– Хорошенькое же алиби! Василиса Павловна была с вами. – Он обернулся к заседателям, словно призывая их посмеяться над заявлением свидетеля. И на самом деле на лицах многих из них появилась легкая улыбка.

Не до смеха было разве что государственному обвинителю. Немиров еще не понимал, куда ведет Лещинский своего свидетеля, но нутром чувствовал, что сейчас произойдет нечто такое, что перевернет его дело с ног на голову. Он рано расслабился, поверив вдруг, что знаменитый защитник выдохся. На самом деле бездействие Лещинского было не чем иным, как хорошо отрепетированным спектаклем, в котором он, прокурор Немиров, сыграл роль тряпичного Петрушки.

В это время драма разворачивалась, как по заранее написанному сценарию.

– Нет-нет! – возмущался Проскуров тому, что его подняли на смех. – В вечер убийства Лежневой мы были вместе. Найдутся свидетели, которые смогут подтвердить это, ведь мы были на премьере нового фильма!

– Да почему же вы раньше об этом не сказали?! – Лещинский вмиг стал серьезным. – Это ведь в корне меняет дело.

– Правда?! – обрадовался Проскуров.

– Конечно, – заверил его защитник. – А то Василиса Павловна сказала нам здесь, что в вечер убийства была у дома Ларисы, и я, грешным делом, уже подумал...

– Нет-нет! – замахал руками Проскуров. – Она оговорила себя. Мы были вместе. Вы не представляете, у меня даже билеты сохранились. Кто бы мог подумать, что они нам так пригодятся!

– Ну, тогда, разумеется, какие могут быть сомнения!

– Я так рад, что вам помог! – искренне заявил Проскуров.

Прокурор едва сдержался, чтобы не застонать от отчаяния. Этот невесть откуда взявшийся дурачок ломал ему все дело...

Дальнейшее запечатлелось в сознании государственного обвинителя отдельными фрагментами:

...– Прошу приобщить к материалам дела вещественные доказательства – билеты на премьеру фильма «Куда приводят иллюзии», – говорил Лещинский хорошо поставленным голосом судебного оратора. – Обратите внимание, господа присяжные, на время сеанса. Девять часов вечера того самого дня, когда убили бедную Лару.

Присяжные из рук в руки передавали маленькие голубые бумажки с четким оттиском времени и даты кинопремьеры.

«А куда завели меня мои иллюзии?» – рассуждал прокурор...

– ...Прошу приобщить к материалам дела фотографии известного репортера газеты «Неделя» Бориса Гофмана, сделанные в ходе презентации нового кинофильма, – солировал Лещинский. – Господа присяжные, поглядите хорошенько. Вот наша «звездная пара» с удовольствием позирует на красной ковровой дорожке, напротив красочной афиши с названием фильма. Конечно, откуда им знать, что в этот момент совершается преступление?

Присяжные рассматривали снимки.

– Протест, ваша честь! – вяло сопротивлялся прокурор. – Фотографии необходимо исследовать. Может быть, это фотомонтаж?

Лещинский широко улыбнулся:

– Исследуйте, я не возражаю!

Из небытия выплыл голос Крениной.

– В этом нет смысла. Снимки подлинные. – Она была бледна, как смерть, и с трудом сохраняла самообладание. Достаточно было лишь взглянуть на нее, чтобы понять: все, что она говорила до этого, ложь...

– Прошу приобщить к материалам дела протокол осмотра места происшествия, – продолжал Лещинский. – Был осмотрен автомобиль «БМВ», принадлежащий господину Кренину. У него на самом деле был помят задний бампер, о чем, как вы помните, нам говорила его супруга. Но вот незадача! Происшествие произошло за два дня до убийства Лары Лежневой. Подсудимый был неосторожен и, совершая маневр задним ходом, наехал на скамейку. Только это произошло не у дома Ларисы, а на парковке у супермаркета «Алый». Между прочим, все это зафиксировано сотрудниками ГАИ. Правда, прискорбный факт, Василиса Павловна?

Лещинский улыбнулся, а свидетельница спешно отвела взгляд...

– Прошу приобщить к материалам дела справки из кожно-венерологического диспансера в отношении свидетеля Проскурова и потерпевшей Лежневой. Они на самом деле обращались за медицинской помощью, – защитник достал из папки бланки, заверенные печатями лечебного учреждения. – Кстати, Василиса Павловна, тут есть кое-что про вас.

Присяжные только поморщились...

Во второй половине дня, во вторник, Кренина не выдержала.

– Прошу освободить меня от дальнейшего присутствия в процессе, – попросила она, умоляюще глядя на судью. – Мне нехорошо.

– Все, что я могу сделать для вас, это предложить стакан воды и помощь врача, если она, конечно, требуется, – сухо отозвался тот. – Вы – главный свидетель обвинения, и я просил бы вас оставаться в зале до окончания судебного следствия. У сторон могут возникнуть к вам дополнительные вопросы.

Склонив голову так, словно не ее муж, а она сама находится на скамье подсудимых, Василиса Павловна подчинилась.

От взгляда присяжных не укрылось, какие разительные перемены произошли с главной свидетельницей обвинения в последние дни. Кренина потеряла былую невозмутимость, вся как-то сжалась, потухла. Даже ее внешний вид, безупречный и цветущий в первый день появления на процессе, теперь свидетельствовал о серьезном душевном разладе. Волосы выбились из прически и свисали на лицо неаккуратными прядями. Под глазами залегли тени. Уголки рта, как на театральной маске, опустились вниз. Она казалась больной и старой. Ей отвратительно не шел ее розовый брючный костюм.

Крениной стоило немалых сил находиться в зале среди людей, которые едва терпели ее. Ведь в их глазах она была не просто лгуней, а виртуозной притворщицей, бессовестно манипулирующей искренними человеческими чувствами. С самого начала она без особого труда перетянула на свою сторону большинство присяжных, заставив их сочувствовать и переживать. Как выяснилось позже, ее страдания оказались лишь театральной трюком, при помощи которого она собиралась оболванить зрителей. Этого они ей простить не могли...

Время прений подошло незаметно.

Прокурор, выступая с заключительной речью, был многословен и красноречив, но в его громком голосе, без труда покрывающем огромную площадь судебного зала, слышалось отчаяние. Он ловил ускользающую из его рук удачу так, как это делает утопающий, манипулируя соломинкой и ожидая, что она вдруг превратится в прочный канат. Немиров еще верил в победу, со страхом ожидая выступления своего процессуального оппонента Лещинского.

– Уважаемые господа присяжные! – начал защитник свою речь и по обыкновению подошел к ним ближе, оставив на столе все свои записи. Он не нуждался в шпаргалке. – Вас наверняка удивило то, что в первой части нашего судебного следствия не произошло поединка.

По глазам присяжных он видел, что они ждут продолжения.

– Я внимательно изучал то, что обвинение сможет представить в оправдание своей нелепой позиции. Теперь я понял, что никакого дела у прокурора попросту нет. Оно лопнуло, как мыльный пузырь!

Лещинский изобразил руками что-то очень похожее на шар, поднес к нему палец. Присяжные могли поклясться, что слышали хлопок.

– С самого начала государственный обвинитель избрал хитрую тактику, пытаюсь разбудить в вас не самые добрые чувства по отношению к моему подзащитному. Подсудимый Кренин, видите ли, занимал ответственный пост! – Он развел руками. – Согласен. Но позвольте напомнить вам, что вы судите Кренина не за то, что в ваших подъездах всегда отсутствуют лампочки и глазки залеплены жевательной резинкой. Вы судите его не за загаженные лифты и заплыванные лестницы, которые, кстати говоря, загадили и заплывали мы сами. Смотрите-ка, ну что за напасть! – Адвокат поднял ногу, продемонстрировав присяжным подошву своего дорожного ботинка.

Все желающие могли увидеть розовую жвачку, растянувшуюся, как и полагается, на невероятную длину.

– К сожалению, это прелести нашего быта! Общий подъезд, – посетовал он, ловко отделяя резинку от ботинка. Зачем присяжным нужно было знать, что подошвы маститого защитника давно топчут пол собственного особняка? – Какая гадость! – сморщился Лещинский, упаковывая жвачку в бумажку. – И что мне, винить в этом нашего подсудимого?

Присяжные заулыбались, а лицо Немирова исказилось: «Вот ведь хитрый черт! – подумал он с неприязнью. – Как ему удался этот трюк с жевательной резинкой?»

– Так давайте отвлечемся от мыслей о нашем неустроенном быте и взглянем на проблему по-другому: Кренина обвиняют в *изнасиловании и убийстве!* Только вдумайтесь в эти слова, а потом взгляните на подсудимого. Похож он на особо опасного преступника? Разумеется, это нелепость! Кренин стал жертвой банальной женской ревности. Вы знаете, какая это страшная вещь?

На лицах мужчин присяжных отразилось искреннее понимание.

– Милые дамы, конечно, скажут, перефразируя выражение известного персонажа: «Наказания без вины не бывает. Пусть вовремя со своими женщинами разбирается и волосы не выбрасывает где попало!» Но будьте же милосердны! Мы судим Кренина не за то, что он изменял своей жене. За ним этот грех, конечно, был. Поэтому я не терзал вопросами свидетелей обвинения, которые, если говорить начистоту, смогли доказать только один факт – у Кренина и Лежневой были близкие отношения. Он иногда навещал ее дома. Отсюда и происхождение того самого злополучного волоса, о котором так долго и красиво говорил государственный обвинитель. Откуда мы можем знать, когда этот волос там появился? В тот самый вечер, накануне или за неделю до происшествия? Сомневаюсь, что Лежнева меняла постельное белье каждый день...

Кое-кто из присяжных кивнул. Справка из вендиспансера сделала-таки свое дело. В чистоплотность потерпевшей теперь мало кто верил.

– Супруга нашего подсудимого, снедаемая ревностью, решила на отчаянный шаг – оговорить Кренина и тем самым наказать его за неверность. Для этого ею была продумана полная версия событий того рокового вечера. В ловкости Василисе Павловне не откажешь. Она потрудилась изучить даже программу радиопередач для того, чтобы ее слова прозвучали в суде убедительно. Вот только, торопясь, она допустила промашку. Желая поразить наше воображение цитатой из Агаты Кристи, услышанную так кстати, она перепутала произведения, взяв за основу совсем другой детектив. Это еще раз доказывает, что наша героиня передачу не слушала, поскольку находилась в то время в другом месте.

Глаза присяжных вновь обратились к свидетельнице обвинения. Но к их вящему негодованию, бесстыдница успела достать из сумочки солнцезащитные очки и теперь сидела прямо, вперив в присяжных непроницаемые темно-коричневые стекла.

– Вы спросите меня, кто же тогда убил Ларису Лежневу? – вопрошал тем временем Лещинский. – Отвечу прямо. Я не знаю! И это не моя задача – найти виновного. Я забочусь

лишь о том, чтобы не произошла судебная ошибка и невиновного человека не осудили за преступление, которое он не совершал.

Здесь сидит государственный обвинитель, человек опытный и компетентный. Он-то знает, что еще в ходе предварительного следствия нужно было установить круг знакомых Ларисы и определить, кто из них мог быть причастен к ее гибели. Очень жаль, что это не было сделано. Теперь-то вы понимаете, что, несмотря на свой юный возраст, потерпевшая была опытна в любовных делах и жертвой ее чар пал не только наш бедный подсудимый. Кренин любил ее искренне и собирался жениться. Но Ларочка обманывала его, принимая в своей постели посторонних мужчин.

Немиров пропустил мимо ушей комплимент по поводу своей компетентности. Он вглядывался в лица присяжных, надеясь заметить в них хотя бы малую толику скептицизма. Но заседатели, как зачарованные, шли за защитником, повинувшись его воле: смеясь над его шутками, замирая в тех местах его речи, где доводы требовали осмысления. Лещинский завладел ими целиком и полностью.

– ...Мы признаем подсудимого невиновным! – прозвучал голос старшины присяжных, и публика едва удержалась от того, чтобы не зааплодировать стоя. Лещинский опять победил!

– Ну, что же! – Судья поправил воротничок мантии. – Основываясь на оправдательном вердикте присяжных, прошу освободить подсудимого немедленно, в зале суда.

Щелкнул засов, выпуская на свободу господина Кренина. Шмыгнула носом какая-то сентиментальная старушка с первого ряда. Процесс подошел к концу. Публика потянулась к выходу...

Глава 4

На крыльце Лещинского и Кренина плотным кольцом обступили журналисты. Щелкали вспышки. Раздавались нетерпеливые вопросы, слышались поспешные комментарии.

«Мы ведем репортаж у Дворца правосудия, где только что был оглашен вердикт присяжных по громкому делу известного чиновника из администрации города...»

«Лещинский опять одержал победу. Это человек – загадка! Он никогда не повторяется. Несколько раз за процесс у нас возникало впечатление, что шансы защиты невысоки...»

«Конечно, известный защитник, обнаружив некоторые сомнительные страницы жизни потерпевшей, мог бы пощадить чувства родственников, но победителей, как известно, не судят...»

Лещинский привычно улыбался, находясь в самом эпицентре журналистского сообщества. Он охотно позировал перед фотокамерами, отвечал на провокационные вопросы и даже дал несколько автографов для самых горячих почитателей его таланта.

Конечно, известный адвокат не обратил внимания на мужчину, стоявшего в стороне, у самой лестницы. Тот мрачно взирал на всеобщий переполох, и с его лица не сходила какая-то странная болезненная гримаса...

Лещинский, забросив цветы на заднее сиденье своего автомобиля, уже собирался сесть в салон, как вдруг чья-то крепкая рука придержала его за локоть. Это была вопиющая бесцеремонность, и обычно адвокат такого обращения к себе не терпел, но сегодня, увидев того, кто вздумал чинить ему препятствия, он только улыбнулся.

– Ах, это вы, Лежнев! – только и сказал он. – Выражаю вам свои соболезнования, но такова жизнь. Кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает. Сегодня лузером оказались вы. Воистину трагично!

На лице мужчины заиграли желваки.

– Ты ответишь за это, – тихо пообещал он. – Ты ответишь за Лару. Это я тебе обещаю.

Лещинский освободил локоть и, забравшись в салон автомобиля, почувствовал себя намного спокойнее. Кто знает, что можно ожидать от этих вечно недовольных родственников?

Машина, тихонько шурша шинами, отъехала от Дворца правосудия и скоро влилась в городской поток.

Встреча была назначена на пять часов вечера, но Лещинский не торопился, зная, что его обязательно дождутся. Он принял контрастный душ, освежился любимым парфюмом. Из одежды он выбрал новый костюм с бирюзовым отливом, модный галстук и чувствовал себя молодцом. Он выиграл сложный процесс и теперь был готов принять вознаграждение.

Хозяйка современного офиса встречала его в дверях.

– Владимир Иванович, а вы – волшебник! – сказала она ему с легкой улыбкой. – Вы сотворили чудо.

Он прижался губами к ее руке.

– Это вы были изумительны, Василиса Павловна!

...Когда она впервые обратилась к нему за помощью, обрисовав проблему, Лещинский воспринял ее как неразрешимую. Ознакомившись с материалами дела, он только укрепился в этой мысли. Море улик и полный набор отягчающих обстоятельств, первым из которых был сам обвиняемый – одиозный чиновник из администрации города, про которого доброе слово могла сказать разве что его мать. Но та, к несчастью, уже несколько лет покоилась на деревенском погосте, позабытая и позаброшенная любимым сыном. Сам господин Кренин производил отталкивающее впечатление. Казалось, в этом человеке были соединены все пороки: высокое

самоуверенность, болезненное честолюбие и острая неприязнь к тем, кто находился ниже его по положению. Лещинский сознавал, что суд присяжных будет не на его стороне.

Поразмыслив немного, известный защитник понял, что ему во что бы то ни стало нужно будет перенести акцент с невразумительной и неблагополучной фигуры чиновника на кого-то другого. Его жена оказалась тут весьма кстати. Умная, подвижная, артистическая натура – эта женщина вселяла надежду на успех. Именно она стала главным персонажем «представления», замкнув на себе обвинение. На нее были сделаны слишком высокие ставки, что в конце концов и погубило Немирова. «Выключив» важного свидетеля из игры, Лещинский с легкостью развалил все дело...

– Вы ослепительны, Василиса Павловна! – говорил он, абсолютно при этом не лукавя.

Перед ним сидела красивая средних лет женщина с васильковыми глазами, тщательно уложенными в высокую прическу волосами. Бесподобная, с медовым оттенком кожи, она казалась свежей и отдохнувшей и совсем не походила на неряху и распустеху из зала суда. Впрочем, той госпожи Крениной, с нездоровым румянцем и темными кругами под глазами, никогда не существовало. Все, что видели зрители, было лишь спектаклем, тщательно продуманным и виртуозно исполненным.

– Я бы вручил вам «Оскара», – признался адвокат, откупоривая бутылку с шампанским.

– Еще бы, ведь у меня теперь есть молодой любовник! – рассмеялась Кренина. – Где, кстати, вы нашли такую прелесть?

– А! Костя Проскуров? – улыбнулся Лещинский, наполняя бокалы. – Музыкант-клавишник. До недавнего времени подвизался на второстепенных ролях в театре в одном маленьком городке. В каком-то смысле я поспособствовал тому, чтобы его артистический дар не зачах. А что, может быть, вам черкнуть его телефон? Клянусь, в жизни он намного смысленнее своего судебного персонажа.

– Благодарю, – с достоинством ответила Кренина. – Но я воздержусь от соблазна. Вы ведь знаете, я всегда была верна своему мужу. Но довольно об этом. Давайте выпьем за победу!

– Давайте, – охотно согласился он, рассматривая на свет игристый напиток. – Вы для меня загадка. Пользуясь моментом, разрешу себе маленькую вольность и спрошу вас: вы хотя бы понимаете, что ваш Кренин опасен для общества и для вас?

Василиса Павловна сделала глоток и поставила бокал на место.

– Опять вы про это убийство. Слышать о нем не могу!

Но Лещинский был настойчив:

– И все же, молодая женщина убита. И, что бы там ни сказали присяжные, мы оба знаем, что это сделал ваш муж. Вас не пугает перспектива жить под одной крышей с монстром?

Кренина хладнокровно взглянула на него.

– Вы знаете, нет! – Она отпила из бокала еще немного. – Во всяком случае, это намного лучше, чем прожигать жизнь с одним из тех молодых шалопаев вроде того, что вы навязали мне в любовники. Кренин занимает видный пост. У него обширные связи. Что мне еще желать? Я ведь уже не молоденькая девочка. Мне нужна стабильность.

– Ну, это он вам обеспечит по полной программе, – пробормотал Лещинский, опустошая бокал. – И все-таки, неужели вас не смущает то, что пострадала ни в чем не повинная девушка?

– А вас?

– Меня нет, – он пожал плечами. – Тем более что ей уже все равно.

– Меня тоже не смущает, – улыбнулась Кренина, протягивая ему пустой бокал. – Кроме того, как вы сегодня сказали? Наказания без вины не бывает? Абсолютно согласна. Эта девчонка пыталась разрушить мою семью. Так что, не зная, чего они, в конце концов, там не поделили, скажу откровенно: она получила по заслугам.

– Вы жестоки! – улыбнулся Лещинский, не скрывая восхищения.

– Вы тоже! – не осталась в долгу Василиса Павловна. – В противном случае мы не были бы такими успешными, правда?

Если бы присяжные могли увидеть дом известного адвоката, они были бы немало удивлены. Понятно, что общих подъездов, где на полу валяется жвачка и прочий мусор, здесь не было и в помине. Лещинскому принадлежал большой дом, окруженный со всех сторон парком. Адвокат жил там один, не считая прелестных молодых созданий, навещавших его изредка. Когда-то Лещинский был женат, но брак продлился недолго, оставив после себя только тоненькую пачку свадебных фотографий и хорошо ощутимую горечь разочарования. В общем, об этой давней истории он вспоминать не любил, теперь довольствовался лишь короткими, ни к чему не обязывающими отношениями.

Сегодня вечер ему скрашивала хорошенькая брюнетка, секретарь одного из судов. Она была у него в гостях не однажды и наивно полагала, что это дает ей право надеяться на что-то большее, чем просто секс. Девушка даже оставила в комод Лещинского свою ночную рубашку и зубную щетку. Адвокат только посмеивался над ее наивностью, но разочаровывать ее не спешил. Словом, все шло, как обычно.

Мариночка полулежала на диване, закинув на спинку красивые длинные ноги с ухоженными ноготками. Адвокат сидел рядом. Теперь, в домашнем шелковом халате и шлепанцах, он казался расслабленным и умиротворенным. Он рассеянно гладил длинные волосы подруги так, как это обычно делают владельцы собак.

– Тебя опять показывали по телевизору, – говорила Мариночка, зажмурив глаза от удовольствия.

– Да, это часть моей работы, детка, – отвечал он ей.

– Хорошая это работа быть богатым и знаменитым, – вздохнула она. – Только, знаешь, тебя мало кто любит. Вот наш судья называет тебя прохвостом. Как ты думаешь, это он из зависти?

– Конечно, ангел мой.

– Ты ведь добиваешься справедливости?

– Да плевать мне на эту справедливость! – зевая, обронил Лещинский.

– Ну, так как же...

Он вздохнул.

– Хочешь, расскажу анекдот, и ты сама все поймешь?

Девушка кивнула.

– Ну, так вот... Адвокат проигрывает дело. «Что вы собираетесь предпринять дальше?» – спрашивает у него осужденный. Защитник, переполненный эмоциями, трясет кулаками: «Я и дальше буду искать справедливость!» – «Тогда я буду искать другого адвоката», – отвечает клиент. Ты поняла? Если я пообещаю своему подопечному, что он получит справедливое наказание – пятнадцать лет лишения свободы, он сбежит от меня, сверкая пятками. Клиенту не нужна справедливость. Он хочет совершить преступление и избежать наказания. А я ему в этом должен помочь.

– Как-то это... неправильно, что ли? – с сомнением произнесла Мариночка. – Получается, ты будешь помогать человеку, доподлинно зная, что он преступник?

– Именно так, дорогая. А как, по-твоему, я буду зарабатывать деньги?

В это время в дверь постучали.

– Входи, Аделина! – прокричал Лещинский, и на пороге материализовалась невысокая женщина неопределенного возраста. В руках у нее был большой поднос с фруктами.

– Ставь сюда, – скомандовал Лещинский, указывая на невысокий столик с инкрустированной столешницей.

Женщина повиновалась, отвесив хозяину почтительный поклон. Она действовала быстро, как хорошо запрограммированный робот. Убрав со стола пепельницу и журналы, она постелила нарядную скатерть, чтобы не испортить полированную поверхность. Словно из воздуха на столе появились большие белые свечи, столовые приборы, салфетки в кольцах. Щелкнула зажигалка, и два маленьких фитилька охватило пламенем. В гостиной стало намного уютнее.

Закончив приготовления к позднему легкому ужину, Аделина молча отвесила поклон и моментально растворилась, оставив после себя едва заметный аромат ванили.

– Как ты ее терпишь? – сморщила носик Мариночка.

– Ты кого имеешь в виду?

– Да эту твою... Аделину. Пренеприятная особа! Она всегда смотрит на меня так, словно собирается убить взглядом.

Незримое присутствие этой женщины по непонятной причине всегда напрягало гостью. Было что-то такое в ее глазах, чего даже ветреная Мариночка не выносила. Вот и сегодня, достаточно было одного появления Аделины, чтобы Марина убрала ноги со спинки дивана, села так, как подобает приличной гостье, и даже натянула на колени коротенькую ночную рубашку.

– Может, она ревнует тебя ко мне? – хихикнула Мариночка. – А что? Ты – холостяк. Она – старая дева. Если хорошенько подумать, то все может получиться!

– Не знаю, как насчет ревности, – с улыбкой ответил Лещинский. – Но домработница она превосходная.

Мариночка надула губы.

– Была бы я хозяйкой твоих хором, я непременно бы выставила твою Аделину за порог!

Лещинский едва скрыл улыбку. Он не хотел признаваться девушке в том, что, если бы перед ним стоял такой выбор, за порог отправилась бы не Аделина, а Мариночка. Хорошую домработницу найти непросто, а эта женщина великолепно справлялась со своими обязанностями. Конечно, она казалась немного странной и даже дикой, но ее немногословность и расторопность были ему только на руку. Так что от Аделины Лещинский избавляться не собирался, и мнение его ночной гостьи тут было не в счет.

За ужином последовала долгая прелюдия, когда любовники без устали ласкали друг друга. Легкие занавески развевались от ночного ветерка, а теплый майский ветер остужал разгоряченные тела. На потолке двигались тени, и казалось, что в комнате обитает гигантский спрут. Когда все закончилось и любовники, обессиленные, но довольные, откинулись на подушки, Мариночка попросила:

– Закрой окно. Мне неуютно спать, когда оно открыто. Вдруг в парке кто-то есть?

Лещинский еле нашел силы, чтобы поцеловать ее. Его так сморила дремота.

– Спи, дурочка! – усмехнулся он. – Здесь частная территория, и тебе ничто не грозит. Кроме того, рядом я – твой защитник!

«Защитник. Я – лучший защитник, – вертелось в его мозгу, как заезженная пластинка. – В конце концов, моя жизнь – одна сплошная удача», – подумал Лещинский и уснул с улыбкой на губах.

Пробуждение было внезапным и совсем не приятным, словно кто-то толкнул его в бок. Адвокат подскочил на кровати и уставился на циферблат часов. «Опоздал на процесс! – подумал он, соображая, где именно он должен был быть в этот ранний час. – Да сегодня же суббота!» – запоздало пришло ему в голову, и он с облегчением упал на прохладные простыни.

Подруга еще спала. Лещинский решил немного позабавиться и, склонившись над ней, тихонько дунул ей в лицо. Мариночка не шевельнулась. Причем в этой ее неподвижности ему вдруг почудилось что-то зловещее. Ее лицо казалось высеченным из мрамора, и странно холод-

ными были щеки... Лещинский взял ее тонкую руку в свою, поднял, чтобы согреть своими губами, но безжизненная, как плоть, рука упала на подушки. «*Вот те на! Да она мертва!*» – совсем некстати вспомнилась ему фраза из детектива. Но факт был налицо. Мариночка действительно умерла...

– Это случилось часов пять-шесть назад, – говорил медик, осматривая труп девушки. – Значит, так и запишем. Смерть наступила в результате асфиксии...

– Пойдите, – прервал его Лещинский. – Мне тоже кое-что известно из курса судебной медицины. Асфиксия – это своего рода удушение.

– Правильно мыслите, – одобрительно кивнул врач.

– То есть она подавилась чем-то во сне? – осторожно спросил адвокат. – Ну, кусочек пищи, рвотные массы... Хотя что я такое говорю?

– Неправильно мыслите, – прогудел медик. – Смотрите на вещи проще. *Ее задушили.*

Лещинскому показалось, что потолок и стены в его спальне закачались, наваливаясь на него всей своей тяжестью.

– Вы хотите сказать, что здесь произошло преступление?

– Именно так. Взгляните-ка сюда. – Медик убрал в сторону волосы девушки. – Вы видите ссадины и кровоподтеки на переднебоковых поверхностях шеи? Эти повреждения характерны для сдавливания руками.

– Пойдите, но, может, это все-таки был несчастный случай? – пробормотал адвокат в состоянии полнейшей прострации. – Или, в конце концов, самоубийство?

У медика на лице появилось какое-то странное выражение.

– Это убийство, – внятно произнес он. – И если вы намерены защищаться, то вам нужно придумать более удачную версию...

– Вы задержаны по подозрению в совершении убийства, – произнес бесстрастный голос, принадлежащий хмурому человеку в сером пиджаке.

Лещинский вздрогнул, не понимая, как банальная фраза, без которой не обходится ни один детектив, перешла в его жизнь.

– Погодите! – крикнул он. – Это какая-то ошибка. Я не виноват!

Он понимал, впервые за свою долгую успешную адвокатскую карьеру, что говорит совсем не то, что должен говорить в этой ситуации. Ему нужно было сказать что-то такое, что мгновенно растопило бы лед в глазах этих людей, заставило бы поверить в его невиновность. Самое смешное, что он обычно легко владел словом, подбирая нужные выражения для любой аудитории. Но сейчас его словарный запас иссяк, как родник, из которого постоянно берут воду. Известный адвокат стоял и бормотал то, что обычно произносят все люди вне зависимости от возраста, пола и вероисповедания: «Это ошибка. Я не виноват. Вы должны мне верить».

– Разберемся! – последовал сухой казенный ответ, и Лещинский сложил руки за спиной. Как адвокат, он знал, что у следователя есть безусловное основание для его задержания: он был застигнут на месте преступления. Вот только преступление совершил кто-то другой.

Глава 5

Зеленый цвет стен изолятора временного содержания действовал на Лещинского раздражающе. В маленькое зарешеченное окошко под потолком вливался свет майского утра. Где-то там, всего в нескольких метрах отсюда, находилось оживленное шоссе, по которому в этот час стремительно неслись машины; по тротуарам привычно тек людской поток; открывались магазины, банки, офисы. А здесь, в этом неудобном, пропахшем табаком и сыростью подвале, жизнь словно остановилась.

– Вот, Владимир Иванович, ознакомьтесь пока с постановлением о привлечении вас в качестве обвиняемого, – важно сказал следователь, протягивая Лещинскому форменный бланк.

Адвокат взял бумагу.

– Как тебя величать-то? – спросил он, разглядывая веснушчатое лицо юного служителя закона.

Парень покраснел, как рак, но все же произнес:

– Следователь Карасев. Но я просил бы вас обращаться ко мне на «вы».

«Фу-ты! – горько усмехнулся про себя Лещинский. – Без году неделя в прокуратуре, а туда же. „Попрошу называть меня на „вы“!“»

Он начал читать постановление, но после первых же строк едва не поперхнулся от неожиданности. Паренек, по всей видимости, был мастер преподносить сюрпризы.

– Да вы ополоумели, что ли! – негодуя воскликнул адвокат, указывая на номер уголовной статьи. – Вы что, вменяете мне убийство, сопряженное с изнасилованием потерпевшей?

– Именно так, – ответил следователь, излучая всеми своими веснушками детскую чистоту и невинность. – А вы собираетесь оспаривать тот факт, что у вас была связь с потерпевшей незадолго до ее смерти?

– Нет, конечно! У нас был секс. Но при чем тут изнасилование?

– Владимир Иванович, успокойтесь, – предложил «прокурорский ребенок». – Как бы вы поступили на моем месте? Во влагалище потерпевшей обнаружена сперма, что, само собой, указывает на имевший место половой акт. На ее бедрах, запястьях, плечах имеются многочисленные ссадины и кровоподтеки. Стало быть, девушку вы взяли силой!

– Этого мне еще не хватало! Значит, вы считаете, что я убил Марину для того, чтобы скрыть совершенное до этого насилие?

– Верно. Поэтому, на всякий случай, я вам вменил еще один пункт части второй статьи 105 УК, – согласился следователь, почесывая макушку. – В суде что-нибудь из предъявленного обвинения все равно отвалится. Но пока я не уверен, что именно.

– Нужно было лучше учиться в университете! – назидательным тоном произнес Лещинский. – Или хотя бы посещать некоторые мои лекции, которые как раз касались особенностей уголовно-правовой квалификации преступлений против жизни.

– Ну, я думаю, мне не скоро представится теперь такая возможность, – ехидно улыбнулся паренек.

Разглядывая простоватую физиономию следователя, известный защитник с горечью осознавал, что тот говорит правду. Его дела действительно были плохи. По злой иронии судьбы, его обвинили в том же преступлении, что и господина Кренина, оправдательный приговор которому он вырвал у присяжных с таким трудом. Разница была лишь в том, что он, Владимир Лещинский, на самом деле никого не убивал.

Дверь приоткрылась, пропуская в следственный бокс молодую девушку с большой сумкой на плече.

– Извините, – улыбнулась она карими глазами. – Я опоздала. В городе ужасные пробки.
– А это что за птица? – проворчал Лещинский, оглядывая гостью с головы до пят. – Еще один следователь? У вас тут что, следственная бригада?

– Не угадали, Владимир Иванович! – засветился паренек улыбкой. – Познакомьтесь. Это ваш адвокат!

– Что?! – подскочил на табурете Лещинский. – Мой адвокат?!

– Дубровская Елизавета Германовна, – представилась девушка.

– Да хоть Машенька и медведь! – повысил голос Лещинский. – Вы хотя бы знаете, кто я такой?

– Разумеется, – еще раз улыбнулась девица. – Вы обвиняемый по делу об убийстве и мой подзащитный в одном лице. Смотрите, у меня даже выписан ордер на вашу защиту.

Она заглянула в сумку, собираясь, видимо, представить ордер как доказательство, но это не получилось сделать быстро. По всей видимости, в ее сумочке царил бардак.

«Что же тогда делается в ее голове?» – представил себе защитник, но вовремя опомнился. Какое дело ему до этой молоденькой адвокатессы, ее бездонной сумки и чертова ордера?

– Я – Владимир Лещинский, самый лучший адвокат этого долбаного города! – заявил он громко, словно выступая в прениях. – Я не нуждаюсь в защитнике и намерен защищать себя сам!

Он ткнул себя пальцем в грудь, надеясь, что вопрос разрешился сам собой. Эти молодые недоумки должны были слышать его имя, даже если ни разу не ходили в суд. Однако что за молодежь пошла?

Громкое заявление не возымело на слушателей действия.

– Но, Владимир Иванович! – возразила девица. – Вы по данному делу являетесь обвиняемым, а не защитником. Стало быть, кто-то должен представлять ваши интересы?

– И вы хотите сказать, что моим представителем будете вы? – улынулся он снисходительно. У девчонки, скорее всего, было не все ладно с головой. – Голубушка моя, я выигрывал процессы в то время, когда вы только пошли в детский сад!

– Это не мешает мне стать вашим адвокатом, – упрямо повторила Дубровская. – Тем более что меня назначили вас защищать.

– Тогда я отказываюсь от защитника! – бросил Лещинский. – Надеюсь, вам не нужно объяснять, что обвиняемый на это имеет право? Вы учили уголовный процесс?

– Разумеется, – заверил следователь. – Давайте только уточним: вы отказываетесь от защиты вообще или от услуг конкретного адвоката?

– По вашему делу участие защитника обязательно, – проговорила настырная девица, тыча наманикюренным ногтем куда-то в Уголовно-процессуальный кодекс, который она все-таки выудила из недр своей сумки. – За ваше преступление может быть назначено пожизненное заключение или смертная казнь!

– Слава богу, разъяснили закон! – шаркнул ногой Лещинский. – Стало быть, вы мне все равно кого-нибудь навяжете?

Следователь развел руками.

– Таковы требования! Но, может быть, вы предпочитаете назвать имя другого защитника? Выбор большой. Оффенбах, Ройтман, Каширский, Гусенков. Кого желаете?

Конечно, парнишка назвал фамилии лучших представителей адвокатского сообщества. Лещинский и сам пересекался с ними в некоторых процессах и мог заявить, не кривя душой, что в их компетентности он уверен на все сто. Но известный адвокат не нуждался в помощи своих вчерашних конкурентов. Разумеется, они ему не откажут. Может, даже возьмут недорого не из соображений благотворительности, а так, для рекламы. «Я, между прочим, защищаю Лещинского», – не преминет бросить в разговоре любой из них. Для него это будет хуже поражения! Владимир Иванович внимательнее взглянул на Дубровскую. Ничего особенного.

Миленькая, не глупая – то, что нужно для помощницы. Во всяком случае, никто не будет ему тыкать в лицо, что своей победой он обязан хитрой лисе Оффенбаху или пройдохе Ройтману.

– Ладно, пусть она остается! – небрежно бросил Лещинский, стараясь не смотреть на то, как расплелось лицо его заступницы...

Глава 6

Скажи кто-нибудь Елизавете Дубровской неделю назад, что она будет защищать самого Лещинского, девушка бы даже не улыбнулась. Такую шутку мог придумать только человек, у которого напрочь отсутствовало чувство юмора.

Владимир Лещинский был известной фигурой не только в мире уголовного процесса. Он был одиозным персонажем светской хроники, завсегдатаем самых модных мест в городе. Дамские журналы неизменно включали его в число самых привлекательных холостяков города. Пикантная подробность относительно возраста секс-символа (ему уже было за пятьдесят) никого не смущала. Он тщательно следил за своей внешностью, фигурой и гардеробом и мог дать фору любому щеголеватому молодому человеку, делающему первые шаги в карьере. Что касается небольших отметин возраста, то, честно говоря, они Лещинского не портили. Да и кому какое дело до его поперечной морщины на лбу и выраженных носогубных складок? Жесткая линия рта и взгляд много повидавшего на своем веку человека делали его загадочным и brutальным. А то обстоятельство, что известного адвоката не ждут дома жена и дети, действовало на представительниц слабого пола как самая лакомая приманка. В конце концов, должна же эта несокрушимая крепость когда-нибудь сдаться на милость победительницы?

Словом, вокруг Лещинского вихрем крутилась жизнь, и он чувствовал себя великолепно в этом сумасшедшем водовороте. Он защищал политических деятелей и губернаторов, проворовавшихся чиновников и эксцентричных деятелей культуры. Иногда он брался защищать простых людей, замешанных в громких преступлениях. В этом случае он не рассчитывал на деньги, но неизменно пожинал плоды своей профессиональной славы, которая крепла от процесса к процессу. В свободное время он занимался тем, что разъезжал по стране, читая лекции молодым юристам. Не имея научных регалий, он неизменно собирал огромную аудиторию, которая шла на встречу с ним, как на концерт какого-нибудь раскрученного певца.

Накануне Елизавета благополучно провела процесс, посвященный хитроумной краже кобылы из совхоза «Красный луч». Подсудимый отделался легким испугом, а Дубровская положила себе в карман небольшое вознаграждение. Словом, все было хорошо до того момента, как заведующий их коллегией Пружинин вызвал ее к себе «для приватного разговора». Елизавета знала заранее, чем это закончится.

– Великолепные новости, Елизавета Германовна! – изрек он, едва она переступила порог кабинета. – Довольно я вас нагружал делами мелких жуликов и глупых разбойников. Пора вам переходить к серьезным делам. У меня для вас есть замечательное дельце. Вы будете защищать Лещинского!

Произнося фамилию знаменитого защитника, он даже перешел на фальцет. Но Елизавета, как ни странно, не упала в обморок, а осталась стоять на полу, застеленном старым линолеумом. Она давно поняла, что подарков от заведующего ждать не следует, и теперь терпеливо надеялась, что Пружинин раскроет сам, в чем тут подвох.

– Да? И кто такой этот ваш Лещинский? – она вперила в него свои огромные карие глаза с золотистыми крапинками на радужке.

– Ты что, не знаешь?! – Пружинин даже поперхнулся от волнения. – Это самая яркая звезда среди наших адвокатов!

Лиза чуть наморщила лоб, припоминая, о ком идет речь. Конечно, она была наслышана про известного защитника Лещинского, но предложение Пружинина больше походило на бред, чем на деловую просьбу. На всякий случай она бросила взгляд в сторону настенного календаря. Первое апреля, традиционный день шуток, вроде давно прошел.

– Ну, что молчишь? – прервал затянувшуюся паузу начальник. – Ты хотя бы рада? А то говорят потом, что я не забочусь о молодых кадрах.

– Петр Петрович, а почему вы сами не взяли себе это дело? – спросила Елизавета.

Тот замешкался. Сказать по правде, никто из его адвокатов не рвался защищать своего коллегу, и дело, пожалуй, даже было не в том, что вознаграждение выплачивалось по нему государством, а не самим маститым адвокатом. Всем было ясно, что защищать себя Лещинский будет сам, а быть на побегушках у подсудимого, выполняя техническую работу – приди, принеси, распечатай, не хотел никто. Стало быть, как ни крути, Дубровская была для него лучшей кандидатурой. Энергичная, двадцативосьмилетняя женщина, уже достаточно опытная для того, чтобы не упрекать ее в бестолковости, но все же достаточно молодая для того, чтобы претендовать на главную роль в грядущем процессе.

– Видите ли, Лизонька! – Пружинин почесал лоб. – Будь я помоложе и поавантюрнее, так, что ли? Я бы, без сомнений, взялся за это дело. Боюсь, здесь придется побегать. А мне это уже сложновато. Возраст не тот!

«Интересно, а когда мне перестанут указывать на мой возраст?» – подумала Елизавета. Несмотря на ее почти пятилетний стаж работы в адвокатуре, к ней частенько относились, как к новичку. Может, всех сбивал с толку ее моложавый вид? Тоненькая, быстроглазая, она производила впечатление старшеклассницы, а не умудренной опытом адвокатессы. Замужество и серьезный социальный статус супруга ничуть не остепенили ее. Она все так же порхала на экстремально высоких каблуках, любила читать детективы и вести собственные расследования.

– Не сомневайся, дорогая, – увещевал ее змей-искуситель в хорошо знакомом облике заведующего. – У тебя есть замечательный шанс понаблюдать за работой великого мастера своего дела, так сказать, изнутри. Если хочешь, рассматривай это как курсы повышения квалификации. А за результат не переживай. Лещинский всегда выходит сухим из воды. Как пить дать, выкрутится и на этот раз!

«А что я теряю? – подумала Елизавета. – Мне действительно дают интересное дело, в котором есть возможность и поучиться, и отличиться». Но в главном она не призналась даже самой себе.

Она хотела превзойти самого Лещинского.

Домой в тот день Елизавета летела, как на крыльях. Ее автомобиль весело мчался преимущественно по левой полосе, оставляя за собой своих отечественных собратьев. Казалось, что ее железный конь, прочувствовав настроение хозяйки, стремился быстрее домчать ее до дома. Мелькали за окном яркие майские картинки. Жилые кварталы уступили место пригородной застройке. Та, в свою очередь, перетекла в леса и поля, в зеркала озер и изумрудье холмов. Автомобиль неплохо знал свое дело. Отмеряя километры трассы, он стремился вперед, ближе к горизонту, обведенному зеленой чертой далекого леса. Туда, где в царстве вековых елей и сосен затерялся небольшой загородный поселок. Там и располагался дом Андрея Мерцалова, мужа Елизаветы.

Правильнее сказать, это был и ее дом тоже. Минуло три года со дня их свадьбы, и Елизавете стоило бы уже врасти в эту землю своими корнями, но она нет-нет да вспоминала жизнь в родительском доме. Правда, немногочисленные подружки Дубровской вряд ли поняли бы ее ностальгию по прошлому, ведь Лизе удалось стать женой преуспевающего бизнесмена. О чем грустить, если ты повторила судьбу Золушки? Конечно, новый образ жизни был для Елизаветы непривычен и поначалу причинял массу неудобств. Как организовать прием? Как управлять прислугой? Что говорить и как вести себя, чтобы тебя не сочли дурно воспитанной?

Эта наука не давалась Елизавете легко, тем более всегда находились «доброжелатели», стремящиеся свести все ее достижения к нулю. Но насмешки и пересуды не прошли даром. Дубровская приобрела уверенность в себе и была способна отразить любые нападки «друзей

семьи». Удивительно, но в этой борьбе за собственное существование Елизавета не растеряла веру в добро и справедливость. А еще она любила мечтать...

Мечты не мешали Елизавете жить. Вот как сейчас, она вела автомобиль, уносясь мыслями в бездонное майское небо. Интересно, как воспримут ее новость домочадцы?

Она зайдет, небрежно бросит сумку на диван в гостиной, потом равнодушно зевнет:

– Подавайте ужин. Сегодня мне придется работать допоздна. Готовлюсь защищать Лещинского.

Или другой вариант.

Она выберет момент, когда все соберутся в столовой за вечерним чаем. Надкусив булочку, положит ее на тарелку почти нетронутой. Жестом подзовет домоправительницу.

– Капитолина! Проследи, чтобы меня не беспокоили журналисты. Видите ли, я защищаю Лещинского.

В общем, главное, создать видимость скуки. Этому есть свои причины. В последнее время ее профессиональная деятельность слишком часто становилась объектом семейных шуток и подколов, которые Лиза воспринимала весьма болезненно. «Милая, как твой иск об устранении препятствий пользования туалетом? Надеюсь, дело сдвинулось с мертвой точки?» – спрашивал супруг, отрывая глаза от утренней газеты. Ему вторила свекровь: «А заявление о передвижке собачьей будки на семьдесят сантиметров к юго-востоку, наконец, рассмотрели? Кстати, как поживает Тузик?» Можно подумать, что все адвокаты участвовали в процессах века, а ей, будто специально, доставались курьезные случаи.

Но сегодня у нее появился шанс взять реванш и разом пресечь все досужие разговоры. Она будет защищать известного адвоката, можно сказать, классика современности. Посмотрим, что они скажут на это? Главное – сохранять спокойствие.

В общем, когда автомобиль встал на привычное место в гараж, а сама Елизавета открыла дверь в дом, от ее крика содрогнулись стены.

– Андрей! Ольга Сергеевна! Идите сюда. Вы еще не знаете последние новости. Представляете, я буду защищать Лещинского!

– Того самого Лещинского? – спросил Андрей, не спеша спускаясь по лестнице. Кажется, новость его несколько не удивила, словно к Елизавете каждый день обращались за юридической помощью звезды и олигархи.

– Адвоката Лещинского? – уточнила свекровь, не удосужившись даже подняться с кресла и отложить в сторону вязание.

– Да. Я защищаю того самого известного всем адвоката. – Дубровская непроизвольно гордо подняла голову.

– А он об этом знает? – хмыкнул Мерцалов.

– Еще нет. Я иду к нему только завтра, – ответила Лиза и густо покраснела, заподозрив в словах супруга издевку. – А что ты имеешь в виду? Ты сомневаешься в моих силах?

– О, что ты! Нет, конечно, – выставил Андрей руки вперед, прикрываясь ими как щитом. Свекровь вела себя примернее.

– Поздравляю, Лиза. Ты, кажется, начинаешь заниматься настоящим делом, – произнесла она. – Передавай ему привет. Ты не поверишь, он был и моим адвокатом тоже.

– А! Знаменитое дело о красных шароварах! – усмехнулся Андрей.

Ольга Сергеевна смерила его недовольным взглядом.

– Вообще-то это были черные брюки, – заметила она.

Великолепные шелковые брюки были самым главным сокровищем ее гардероба. Они отлично сочетались с нарядными полупрозрачными блузами, с расшитыми блестками накидками. В общем, были вещью универсальной и в какой-то степени незаменимой. Каково же было

изумление Ольги Сергеевны, когда в один совсем не прекрасный день она узрела на колене жирное пятно. Должно быть, это случилось в гостях, когда, лакомясь десертом, она уронила на них вишенку в креме. Ближе к Рождеству Ольга Сергеевна купила замечательную блузу с рукавами, похожими на крылья жар-птицы, и готовилась встретить праздник во всей красе. К тому времени подоспело приглашение на праздничный прием у губернатора. Дело оставалось за малым: брюкам требовалась чистка.

«Чистим вещи за один день! Вы будете довольны», – прочла она вывеску на новом здании химчистки. «Это как раз то, что мне нужно!» – обрадовалась Ольга Сергеевна.

– Вы обещаете, что брюки будут готовы завтра к обеду? – спросила она приемщицу.

– Не беспокойтесь! – ответила за нее высокая полная женщина. – Я хозяйка этого заведения и даю гарантию, что вы получите свои брючки свежими и наглаженными завтра утром.

Каково же было негодование Ольги Сергеевны, когда на следующий день они оказались не готовы. Претензии и просьбы не возымели действия. Разумеется, идти на мероприятие в грязных брюках Ольга Сергеевна не собиралась. Понятно, что рождественский бал мадам Мерцалова провела в платье, которое ей абсолютно не шло. Настроение было ни к черту, но впереди ее ждал сюрприз пострашнее. Брюки исчезли!

– Вы хотя бы понимаете, что натворили? – кричала она, пугая клиентов в очереди. – Где мои брюки?

– Успокойтесь, гражданочка! – шипела на ухо хозяйка химчистки и совала ей под нос стакан воды. – Брюки найдутся! А если даже это не произойдет, мы выплатим вам компенсацию.

– Компенсацию?! – поперхнулась водой Мерцалова. – Вы не представляете, сколько это будет стоить.

– Мы оплатим вам стоимость новых брюк!

Но хозяйка ошибалась. С этого дня ее жизнь превратилась в сущий кошмар. Несмотря на ехидные комментарии домочадцев, Ольга Сергеевна привлекла к делу знаменитого адвоката Лещинского. Тот к проблеме несчастной женщины отнесся, как подобает настоящему профессионалу, серьезно и обстоятельно. В результате в суд был подан иск, прочитав который владелица химчистки едва не получила апоплексический удар. На запрашиваемую сумму можно было себе позволить не только брюки от Версаче, но и небольшой импортный автомобиль.

Нереальность суммы отчасти успокоила хозяйку. Она попыталась было доказать, что истица явнохватила лишку, но ее остановил суровый взгляд адвоката.

– Мы претендуем не только на стоимость утраченного имущества, – заявил он. – Но и на компенсацию морального вреда.

– Какой моральный вред? – удивлялась хозяйка. – Это ведь только брюки!

– Брюки?! – вознегодовала Мерцалова. – Это не брюки. Это вся моя жизнь!

В общем, запрашиваемая сумма состояла из нескольких компонентов. Это была стоимость самих брюк, квитанций на оплату медикаментов, необходимых для того, чтобы снять сердечный приступ у незадачливой клиентки, затраты на санаторно-курортное лечение, необходимое для реабилитации. Кроме того, ушлый защитник прошерстил закон «О рекламе» и «Защите прав потребителей» и заявил, что красочные лозунги на химчистке: «Клиент будет доволен!», «Чистим одежду за один день!» являются, по своей сути, надувательством населения, а может, и мошенничеством, которое карается уже Уголовным кодексом.

Напуганная хозяйка пообещала оплатить треть суммы, но Мерцалова была непоколебима. Тогда владелица стиральных машин и утюгов закрыла химчистку на три дня и провела тщательную инвентаризацию. В конце концов, она принесла в судебное заседание шелковые черные брюки. Ольга Сергеевна возмутилась и заявила, что «ей пытаются впарить какое-то барахло». На самом деле любимая вещь потеряла для нее свою привлекательность и казалась обыкновенной тряпкой. Куда более захватывающим оказался судебный поединок. Мерцалова написала заявление в прокуратуру с просьбой привлечь обманщицу к уголовной ответственности.

ности. Хозяйка потеряла сон и покой. Эта парочка сутяг довела ее до нервного истощения. Она закрыла свой бизнес и всерьез уже подумывала о том, чтобы уехать на Украину, к родне. В конце концов, она подписала мировое соглашение и, выплатив сумму, на которую можно было приобрести целую телегу модных брюк, укатила за границу.

– Замечательная история, мама! – отозвался Андрей, вложив в эту реплику добрую порцию сарказма.

Но Ольгу Сергеевну ирония сына не смутила.

– Мне присудили хорошие деньги, – сказала она. – Между прочим, в «Вестнике правосудия» написали, что это была самая большая компенсация морального вреда, которую когда-либо взыскивали в судебном порядке!

– Лучше скажи, сколько из этой суммы ты заплатила своему адвокату? – хмыкнул Мерцалов.

На лицо Ольги Сергеевны словно набежала туча.

– Это не важно, – обронила она. – Лещинский, разумеется, внакладе не остался. На то он и адвокат, в конце концов!

Дубровская не выдержала.

– Что вы смыслите в нашей работе! – сказала она в сердцах, словно легкая критика была произнесена в ее адрес. – За этим веселеньким происшествием, больше похожим на анекдот, скрывается огромный труд защитника. Вы не представляете, сколько усилий нужно потратить для того, чтобы суд своим решением признал право на компенсацию и заставил ответчика выплатить деньги! Это только там, за рубежом, люди выигрывают огромные суммы и наживаются на судебных процессах...

Она говорила без передышки, стараясь достучаться до своих твердолобых родственников, для которых судебное заседание было чем-то вроде увеселительной прогулки.

– Суд оценил глубину нравственных страданий Ольги Сергеевны, обратив внимание на то, что состояние ее здоровья резко ухудшилось. Она пережила серьезный стресс, который спровоцировал сердечный приступ... Что? Что вы смеетесь?

Бессовестный супруг не выдержал и захохотал в полный голос, а свекровь перестала прыскать в кулачок и с широкой улыбкой устала на Елизавету.

– Что ты! – махал рукой Андрей, продолжая смеяться. – Какой приступ? Какие нравственные страдания?

– Ну, так как же... – Елизавета запнулась, не понимая, чем вызвано это неумное веселье. Ситуацию прояснила Ольга Сергеевна.

– Видишь ли, деточка, Владимир Иванович попросил меня достать некоторые справочки из больницы. А поскольку у нас много знакомых врачей...

Дубровская начала соображать.

– Значит, вы представили в суд липовые документы?

– В каком-то роде да, – согласилась свекровь.

– Но это же незаконно! – возмутилась Елизавета. – Есть ответственность за фальсификацию доказательств, и вас могли...

– Что ты такое говоришь! – возмутилась свекровь. – Все так делают. Кроме того, не забывай, ответчица подписала мировое соглашение. Значит, она признала, что наши требования законны!

– Может быть, – пробормотала Лиза. – Но все же так не делается. Это как-то смахивает на мошенничество.

Она не сумела подобрать слов. Конечно, Дубровская знала, что многие ее коллеги добиваются побед сомнительными способами. Но она и предположить не могла, что адвокат подобной величины, каковым был Лещинский, способен манипулировать доказательствами. Скорее

всего, Ольга Сергеевна ввела его в заблуждение, состряпав справки при помощи своих недобросовестных знакомых.

– Ну, довольно! – оборвал дискуссию Мерцалов. – Мы идем ужинать. Боюсь, что после сводки последних юридических событий у всех пропадет аппетит.

Ольга Сергеевна отправилась на кухню отдавать распоряжения, и супруги остались вдвоем:

– Жаль, что в твоём плотном графике не находится времени для рождения ребенка, – сказал Андрей. В его голосе прозвучало сожаление.

Лиза отвернулась. Эта тема в их семье поднималась в последнее время все чаще.

Все, кто хоть немного был знаком с перипетиями семейной жизни Мерцаловых, могли только поддержать Андрея. Дело в том, что его супруга Елизавета, будучи особой чрезвычайно энергичной и увлекающейся, была очень предана своей профессии. Судебные разбирательства, встречи с клиентами занимали у нее все свободное время, но проблема, пожалуй, была даже не в этом. Вокруг было немало примеров успешных деловых женщин, умело сочетающих семью и карьеру. Дубровская плохо понимала, как им удается отдаваться любимой профессии только наполовину. Днем готовить бумаги в суд, спорить до хрипоты с клиентом, получать нагоняй от судьи, а вечером как ни в чем не бывало с безмятежным челом читать сказки сыну и играть в оловянных солдатиков. У нее же все было не так. Профессиональная жизнь вторгалась в личную, и уже было не разобрать, где кончается первая и начинается вторая. Если Дубровская шла в парикмахерскую, то домочадцы вряд ли могли поручиться за то, что она стремится обновить себе прическу. На месте парикмахера мог оказаться серийный убийца, скрывающийся от наказания, или важный свидетель, который почему-то не спешил в суд с показаниями, которые могли перевернуть дело с ног на голову. Она стала настоящей мастерицей в искусстве перевоплощения, и ее супруг часто гадал, обращается ли она к нему лично или просто репетирует свою очередную защитительную речь. В общем, за несколько лет ее адвокатской деятельности их семейный союз не раз трещал по швам, еле выдерживая интриги, загадки, расследования. Каждый раз начиная какое-нибудь дело, Елизавета давала себе зарок: «Вот закончится все благополучно, тогда я поеду в отпуск, задумаюсь о детях, стану (хотя бы на месяц) примерной хозяйкой». Но дело заканчивалось, и появлялись новые клиенты. И так без конца.

И вот сегодня, сидя за круглым столом в своей уютной столовой, Елизавета незаметно рассматривала лицо мужа. Он казался озабоченным и каким-то уставшим. На лбу все четче прорисовывались горизонтальные линии, делающие его на несколько лет старше. Дубровская утешала себя, говорила, что это обычные мимические морщины. Ведь Андрею всего тридцать лет, до старости еще далеко. Но где-то в глубине души она понимала: ей стоит остановиться и подумать о том, как вдохнуть в их брак новую жизнь. В прямом смысле этого слова. Но как это сделать, если ей поручили ведение интереснейшего дела, способного придать карьере космическое ускорение?

«Если мне удастся защитить Лещинского и все закончится благополучно, я тут же все изменю, – подумала про себя Елизавета. – Честное слово, так оно и будет».

«А если известный адвокат загремит на пятнадцать лет?» – ехидно спросил внутренний голос.

«Все равно. Обещание остается в силе», – решила она.

Андрей, конечно же, ничего не знал об этом внутреннем диалоге Лизы с самой собой. Он спокойно жевал макароны, не подозревая, что в его жизни скоро произойдут грандиозные перемены. Конечно, это случится не раньше, чем закончится процесс по делу Лещинского.

Глава 7

Внешность Лещинского произвела на нее самое благоприятное впечатление. Импозантный мужчина в самом расцвете зрелой красоты. Конечно, на висках у него уже серебрилась седина, а на лице залегли морщины, но это его ничуть не портило. Скорее, даже придавало облику некоторую фактурность. Легкая небритость тоже шла ему. А удивительный спортивный костюм белого цвета и вовсе навевал ассоциации с курортами южных морей. В общем, в его облике не было ничего тюремного и затрапезного. Шик и аккуратность, которым он не изменял никогда.

– Ну, вы тут побеседуйте, – улыбнулся Карасев, обращаясь к Елизавете и Лещинскому. – А то потом скажете, что я вам не давал времени для того, чтобы обсудить линию защиты.

– Нам ничего не нужно обсуждать! – нервно среагировал Лещинский. – Ни к чему зря терять время!

– Времени теперь у вас вагон, – многозначительно добавил следователь, направляясь к двери. – Как жаль, что я не могу предъявить вам чек на почасовую оплату!

Дверь с зашторенным окошком захлопнулась, оставляя Елизавету наедине со своим подзащитным.

– Какой нахал! – произнес Лещинский, имея в виду, конечно же, следователя. – И с ним мне придется работать. О, боже!

– Мы будем работать *вместе*, – пообещала Елизавета.

Лещинский уставился на нее, словно соображая, откуда она тут взялась.

– Давайте обсудим с вами позицию, которой будем придерживаться на следствии и в суде, – сказала она, ничуть не робея под его пристальным взглядом. – Нам предстоит непростое дело. Тем более, вас взяли на месте преступления, и, быть может, мы отбросим сразу некоторые варианты защиты, которые заведомо не принесут нам успеха.

– Постойте, – оборвал он ее довольно невежливо. – Кто вам сказал, что я собираюсь с вами что-то обсуждать?

Теперь уже пришел черед удивляться Елизавете.

– Но это же естественно! Я – ваш адвокат.

– Кто сказал?

– Что «кто сказал»? – запуталась она.

– Кто сказал, что вы – мой адвокат?

Дубровская опешила:

– Но позвольте! Я думала, что мы решили этот вопрос. Вы в присутствии следователя подтвердили, что не возражаете против моего участия в деле?

Лещинский посмотрел на нее снисходительно.

– Милочка моя! Я согласился на ваше участие только потому, что у меня не было другого выхода. Не будь вас, мне бы прислали Иванова, Петрова, Сидорова и далее по списку. Вы правильно заметили, что участие в моем деле защитника обязательно. – Он скривил губы. – Но вы будете моим адвокатом только на бумаге. Формально. Ясно я выражаюсь? Защиту буду осуществлять я сам. От вас требуется лишь присутствие.

Должно быть, у Елизаветы на лице отразилось такое отчаяние, что в душе у Лещинского пробудилось нечто похожее на сочувствие.

– Поверьте, ничего личного! – сказал он. – Подобная участь коснулась бы любого адвоката, назначенного мне в защиту. Я доверяю только себе, а в вопросах, затрагивающих мою собственную жизнь, я особенно щепетилен. Это ведь естественно, верно?

– Но почему вы не доверяете мне? – воскликнула Дубровская. – Ведь у меня тоже были хорошие результаты!

– Милочка моя! – повторил Лещинский свое дурацкое обращение. – Я не хочу вас оскорблять, сравнивая ваши достижения со своими. Кто вы и кто я? Оставим все, как есть.

– Как вам будет угодно, – сухо произнесла Лиза.

– Ну вот и отлично! – улыбнулся Лещинский. – Ну а теперь, коли уж вас назначили моим адвокатом, будьте добры, позовите этого бездельника Карасева. Я думаю, он устал уже слоняться по коридору...

Карасев сиял, как начищенный пятак, и у Елизаветы появилось опасение, не подслушивал ли доблестный сыщик их разговор.

– Ну, как, согласовали позицию? – спросил он, улыбаясь.

– Да, мы утрясли с Елизаветой Германовной все необходимые моменты, – сказал Лещинский, поглядывая на Лизу.

– Это хорошо, что вы так быстро нашли общий язык, – неискренне порадовался за них следователь, присаживаясь за стол. – Итак, вы признаете предъявленное вам обвинение?

– В убийстве и изнасиловании? – скривил губы адвокат. – Помилуй вас боже. Конечно, нет!

Следователь записал ответ в протокол и опять поднял голову.

– Вы собираетесь давать показания или будете молчать, как рыба? Впрочем, это позволяет вам наша Конституция.

– Невиновному человеку молчать незачем, – парировал Лещинский. – Я собираюсь дать показания и прошу вас записать их в протокол как можно ближе к оригиналу. Если вы помните, я сам адвокат и буду пресекать все возможные попытки увести следствие в сторону. Поэтому настройтесь на серьезную работу!

– До чего все стали агрессивными! – помотал головой следователь и, взглянув на Лизу, со значением добавил: – Нелегко вам придется с этаким-то подзащитным. Я уже вспотел.

Дубровская оставила реплику без ответа. Между тем допрос начался...

– Марину Гуляеву я знаю около года, – вел повествование Лещинский. – Это была милая девочка, секретарь одного из судов. У нас были близкие, но ни к чему не обязывающие отношения. Мы обсуждали последние юридические новости, иногда сплетничали об общих знакомых...

– Лежа в одной постели? – продолжил логическую цепочку следователь.

Лещинский посмотрел на него презрительно.

– Оставьте свои издевки при себе, – сказал он решительно. – Всем известно, что я – мужчина холостой, точнее, разведенный. Стало быть, я не нарушал супружескую верность. Марина – девушка совершеннолетняя и способная отвечать за свои поступки. Значит, в растлении малолетних и умственно неполноценных вам обвинить меня тоже не удастся. Мы встречались, как взрослые одинокие люди, испытывая друг к другу здоровое половое влечение. Конечно, у нас был секс, но абсолютно на добровольных началах. Я – сторонник традиционных взглядов на отношения мужчины и женщины, поэтому наша близость была лишена элементов садомазохизма и прочих извращений.

– Как же объяснить, что гражданку Гуляеву обнаружили в вашей постели мертвой? – ехидно поинтересовался следователь. – Может, во время вашего «традиционного секса» вы слегка придушили партнершу? Говорят, что некоторые пары практикуют такой фокус, чтобы обострить ощущения.

– Должно быть, ваш опыт по этой части богаче, чем мой, – усмехнулся Лещинский. – У нас не было ничего подобного. Гуляева скончалась не по моей вине и уже после того, как секс между нами закончился.

– Может, девушка решила проявить характер и потребовала от вас заключения брака? А может, она была беременна? – делал новые выпады следователь, пытаясь загнать Лещинского в тупик. – Впрочем, последнее обстоятельство легко установит судебно-медицинская экспертиза, результаты которой мы скоро получим.

Лещинский даже не побледнел.

– Это полный бред! Вы плохо слышали, о чем я вам сказал? Гуляеву убил другой человек.

– Вот как? Может, вы нам скажете его фамилию?

– Записывайте в протокол. В смерти Марины виновен Лежнев Александр...

– Итак, Лежнев! – воскликнул следователь и, наморщив лоб, пытаясь тем самым изобразить на своем лице интенсивное движение мысли, начал рассуждать сам с собой. – Лежнев. Что это за птица? Кто этот изверг, который проникает в спальни мирных граждан и душит несчастных девушек?

– Лежнев – это потерпевший по делу, которое я выиграл накануне, в суде присяжных, – пояснил Лещинский, наблюдая за тем, как расторопно движется ручка следователя, заполняя протокол допроса. – После процесса он подошел ко мне и пообещал, что отомстит за свою сестру.

– Кто-то слышал этот разговор?

– Боюсь, что нет. В это время я сидел в машине. Услугами водителя я не пользуюсь.

Карасев прикусил кончик ручки.

– Как вы полагаете, каким образом Лежнев осуществил свою месть?

Лещинский долго не размышлял. Должно быть, проведя несколько бессонных ночей в изоляторе, он подготовил ответы на все возможные вопросы. Он не любил зря терять время. Оно всегда стоило слишком дорого. Во всяком случае, *его время*.

– Он пробрался на территорию моего частного дома. Окна спальни ему удалось вычислить без труда. В них долгое время горел свет. После того, как мы уснули, он через открытое балконное окно прошел в комнату и сделал свое черное дело. После этого тем же путем вылез обратно. Я, понятное дело, ничего не услышал.

Следователь бросил ручку.

– А вот это мне и кажется удивительным! Разве похоже на то, чтобы молодая женщина решила проститься с жизнью просто так, во сне? Она наверняка проснулась и поняла, в чем дело. Между прочим, на ее запястьях обнаружены кровоподтеки, указывающие на возможную самооборону. Так что девушка кричала в тот момент, когда вы наслаждались спокойным сном под аккомпанемент ее агонии. Вы это можете объяснить?

– Я могу лишь предположить, что преступник каким-то образом заставил ее молчать, – ответил Лещинский. – Я же был сильно утомлен. Даже не помню, как заснул. Точно провалился в темную яму вне времени и сновидений. Процесс по делу Кренина вымотал меня. Я даже жалел, что пригласил в этот вечер Мариночку. Но не хотелось праздновать победу в одиночестве. Боже, если бы я мог все теперь изменить!

– Меняться и сейчас не поздно, – решил на совет следователь. – Вы можете дать правдивые показания, которые впоследствии будут учтены судом как смягчающие обстоятельства.

Сколько раз за свою жизнь Лещинский слышал эту фразу. Он не верил ей абсолютно, поскольку знал: чистосердечное признание – самая короткая дорога в тюрьму. Пока есть силы, нужно бороться, выдвигать версии, путать ход расследования. Ведь может повезти, и уголовное дело прекратят за недоказанностью вины.

Но теперь был иной случай. Лещинский до боли в сердце желал, чтобы следствие разобралось и нашло настоящего виновника злодеяния. Черт с ней, с Мариночкой, ее не вернешь! Но убийце, по сути, не нужна была ее жизнь. Злоумышленник ставил перед собой другую цель

– подставить адвоката, заставить его страдать и платить за преступление, которого он не совершал.

– В общем, так, – сказал он решительно. – Я заявляю о ходатайстве, которые требую занести в протокол. Прошу вызвать и допросить Лежнева Александра по поводу того, где он находился в ночь убийства. Сделать это нужно немедленно, пока он не замел следы преступления. Второй момент. Как вам наверняка известно, мой дом оборудован камерами видеонаблюдения. Прошу изъять и просмотреть запись, сделанную в ночь на первое мая. Я не сомневаюсь, вы сможете увидеть на ней того, кто пробрался в мой дом.

Следователь аккуратно заполнил протокол и взглянул на Елизавету:

– У защитника будут дополнения, возражения, ходатайства?

Дубровская отрицательно покачала головой...

Когда она забирала адвокатское удостоверение, дежурный сержант за стойкой с пропусками долго рылся в ячейках, пытаясь найти нужный документ.

– Повторите фамилию, – третий раз спрашивал он Елизавету.

– Дубровская, – терпеливо отвечала она.

– Эх ты, тюхтя! – беззлобно сказал сержанту подошедший капитан. – Ты разве не знаешь? Она защищает самого Лещинского!

– Да?! – открыл рот его товарищ. – Круто!

Удостоверение, конечно, нашлось. Но Елизавета не испытала радости от произведенного фурора. Лещинский был прав. Она была его адвокатом только на бумаге.

Глава 8

События утра как-то отодвинули по своей значимости на второй план все остальные дела, и Дубровская не сразу вспомнила о собрании, которое было запланировано на сегодня в стенах ее родной юридической конторы. В общем, к тому времени, как Елизавета подъехала на место, выяснилось, что она опоздала на час. Разумеется, адвокаты – пташки вольные, летают, где хотят, зарабатывают, как могут. Но, помимо обширных прав, они имеют и определенный круг обязанностей, одной из которых Дубровская как раз и пренебрегла.

– Вот, значит, как наша Елизавета Германовна относится к жизни коллектива! – произнес Пружинин, едва она ступила на порог.

Коллеги смотрели на нее без осуждения, с ленцой, но возразить заведующему так никто и не решился.

– Извините, но у меня было назначено следственное действие, – пробормотала Лиза, обшаривая глазами помещение в поисках свободного места.

– Ну, конечно! – многозначительно воскликнул Пружинин. – После того, как наша Елизавета стала защищать самого Лещинского, забот у нее прибавилось, впрочем, как и самомнения.

Сказано это было шутливым тоном, однако Дубровская после унижительной сцены в изоляторе к веселью была не расположена.

– Я могу уступить эту честь другому, – сказала она, еле сдерживая возмущение. – Пусть только желающий поднимет руку.

Судя по всему, желающих не нашлось.

– Да ты брось ершиться, – примиряюще сказал Пружинин. – Присоединяйся к нам. На повестке дня сейчас «Разное».

Елизавета, отчаявшись найти укромное местечко среди общей массы своих коллег, прилегла на краешке стула почти в самом центре большой комнаты. Рядом с ней, словно воробышек на насесте, сидел молоденький адвокат, имени которого она так и не удосужилась запомнить. По странному стечению обстоятельств его поведение и обсуждали сейчас под рубрикой «Разное».

– «Квалификационная комиссия обращает внимание коллектива на участвовавшие за последнее время жалобы на адвоката Тараскина», – прочитал заведующий по бумажке, а потом, сдвинув очки на кончик носа, продолжил: – Напомню, Тараскин работает у нас уже три месяца и умудрился за этот срок получить столько нареканий, сколько нормальный адвокат не получает за десять лет работы.

Юный защитник уставился куда-то себе под ноги. Должно быть, его интересовал затейливый узор старого линолеума на полу.

– Вот последний образец его творчества, отправленный из областного суда в адрес квалификационной комиссии. Итак, что тут? – заведующий прочистил горло. – Гм! «Жалоба на приговор суда». Читаю выборочно. «Прошу отменить приговор суда, так как считаю его незаконным. Судья просидел весь процесс с закрытыми глазами, уронив голову на грудь. Все присутствующие могли слышать его ровное дыхание. Он просыпался лишь для того, чтобы объявить очередной перерыв. Полагаю, что при подобных обстоятельствах судья просто не мог слышать доводы защиты, что повлияло на характер вынесенного им решения».

По рядам адвокатов пробежал смехок, но Пружинин не позволил себе улыбнуться.

– Мне кажется, это пример вопиющего неуважения к суду. Конечно, многим из нас приходилось сталкиваться с подобной проблемой. Судья спит! – хмыкнул заведующий. – Но зачем об этом говорить вслух, а тем более писать в жалобе? А вы как считаете?

– А я считаю, что слово нужно дать Тараскину, – влезла Елизавета, у которой, должно быть, от пережитого стресса проснулся дух противоречия. – Мы ведь стремимся к объективности, верно?

Молодой адвокат встрепенулся и с благодарностью посмотрел на свою защитницу. В его руках появился лист бумаги.

– Ну, что там у вас, Тараскин. Выкладывайте! – позволил ему заведующий. В его взгляде, адресованном Дубровской, сквозило явно выраженное недовольство.

– Итак, я зачитаю вам ответ кассационной инстанции, – проговорил паренек, покрываясь красными пятнами. – «Что есть сон и в чем он проявляется? На взгляд суда, закрытые глаза не являются обязательным признаком сна, а свидетельствуют о высокой концентрации мысли нашего коллеги. Характерным свидетельством сна может стать только храп, которого окружающие, включая самого заявителя, не слышали. Стало быть, судья не спал, а напряженно думал, что свидетельствует о законности принятого им решения».

– Ну, в общем-то, все ясно, – мрачно заключил Пружинин. – Вам дали ответ по существу. Что вам еще надо?

– Мне нужна справедливость, – заявил Тараскин, ища поддержки у коллектива. – Я не думаю, что «дело спящего судьи» стало предметом рассмотрения квалификационной коллегии судей. Мне же досталось по полной программе. Спрашивается, за что?

– Полностью с тобой согласна! – заявила Дубровская, и для того, чтобы придать своим словам больший вес, она даже встала со своего места. – В законе написано, что адвокат вправе защищать своего клиента способами, не запрещенными законом. Если кто-то усмотрит в действиях Тараскина криминал, тогда и будет иметь смысл продолжать рассмотрение его дела. Но, на мой взгляд, он ничего не нарушил. Может, у кого-нибудь будут возражения?

Народ зашевелился, обсуждая ситуацию. Пружинин недовольно скривился.

– Значит, у Тараскина появился адвокат в лице Елизаветы Германовны? Ну, что же, прекрасно! Тем легче будет решение, которое я собираюсь вынести на голосование. – Заведующий обвел долгим взглядом ряды своих подчиненных. – Квалификационная комиссия адвокатской палаты не считает разумным предпринимать в отношении Тараскина строгие меры, учитывая его небольшой опыт работы, но настоятельно советует коллективу взять шефство над молодым адвокатом.

Пружинин сделал паузу, удовлетворенно замечая, как адвокатские плечи опустились. Никто не хотел брать опеку над юным дарованием.

– Таким образом, предлагаю назначить Дубровскую Елизавету Германовну наставницей нашего коллеги. Тем более что общий язык они уже нашли. Кто за это предложение, прошу голосовать.

Взметнулся лес рук. Елизавета была ошеломлена.

– Постойте! Какая из меня наставница? Я сама работаю только пять лет. Есть опытные адвокаты, которые могли бы...

– Принято единогласно! – Пружинин был доволен. – Итак, Елизавета Германовна, поздравляю вас. В последние дни ваша карьера сделала огромный скачок.

– С места да в карьер! – сболтнул кто-то очень остроумный.

– Ничего страшного! – распространялся заведующий. – Во всяком случае, это не сложнее защиты по делу Лещинского. Посидите с Тараскиным на приеме граждан, сходите с ним в процесс, поделитесь с ним секретами профессионального мастерства, а через три месяца представите собранию письменный отчет о проделанной работе.

– Что?! Я буду возиться с ним три месяца?

– Ну, это первоначальный срок. Если потребуется больше...

– А я даже рад, что так получилось! – опомнился вдруг Тараскин. – Для меня будет интересно поработать с профессионалом такого уровня, как Елизавета Германовна. Я с удоволь-

ствием буду посещать с ней все следственные действия по делу Лещинского и даже выполнять отдельные поручения.

«О, боже! Только не это!» – взмолилась про себя Елизавета. Лещинский поднимет ее на смех, когда она явится к нему на допрос с этим желторотым юнцом, и тогда ее позор станет достоянием гласности. Все будут тыкать в нее пальцем и смеяться.

– Значит, на этом и порешим! – Пружинин развел руками, словно собирая аплодисменты. – Собрание объявляю закрытым.

Утомительный день, не принесший с собой ничего, кроме головной боли и разочарований, подошел к концу, и Елизавета была рада тому, что, наконец, отпала необходимость «держать лицо». Сейчас она вернется домой, где ее любят и ждут только потому, что она такая, какой ее создала природа: немного взбалмошная и любопытная, совсем непрактичная и, черт возьми, верящая в чудеса! Разумеется, она получит горячий ужин, обязательную порцию болтовни со свекровью и два часа перед сном в кабинете Андрея, где она сможет пожаловаться ему на все свои злоключения, выслушать советы, перемежаемые его непременным подтруниванием над ней и ее проблемами. А потом ее ждет постель, пахнувшая лавандой и пара глав любимой книжки пред сном...

В общем, в таком настроении, умиротворенная и готовая обнять весь мир, включая всех своих милых родственников, Елизавета переступила порог дома. От радостного приветствия она воздержалась только по одной причине: из гостиной доносились голоса и сдержанный смех. Это могло означать только одно – у них гости! «Как пить дать, это проделки Ольги Сергеевны! – подумала Дубровская с досадой, уже начисто забыв, что всего минуту назад была готова целовать свекровь в обе щеки. – Почему она жить не может без всех своих визитов и приемов?» На взгляд Дубровской, гости лишь зря отнимали драгоценное время, которое можно было провести, наслаждаясь уютом и тишиной дома. Они много говорили, гоняли сигаретный дым по веранде, роняли на ковер хлебные крошки и пробки от шампанского, а самое главное, требовали к себе внимания и имели дурную привычку засиживаться в чужом доме до ночи. Хорошо, что Елизавете не приходилось еще накрывать на стол и мыть тонны грязной посуды – этим занималась домработница. Но Ольге Сергеевне, которая весь день проводила в стенах дома, требовались общение и развлечение. Вот она и переносила визиты друзей на вечер для того, чтобы вся семья была в сборе. Но, как ни верти, это были ее визиты и ее друзья. Поэтому Лиза, не испытывая особых угрызений совести, решила предоставить свекрови все шансы прекрасно провести время. Сама она намеревалась потихоньку пробраться к себе в комнату и отдохнуть, а заодно придумать причину, по которой не сможет принять участие в семейной вечеринке.

Аккуратно ступая, она направилась к пожарному выходу. Там была лестница, которой пользовалась только прислуга. Домашние туфли Лиза зажала в руках, чтобы стук каблучков не выдал ее. Но, по всей видимости, этот вечер явился логическим продолжением дурного дня. И, едва сделав несколько шагов в нужном направлении, Дубровская натолкнулась на большое препятствие, состоящее из нескольких прямоугольных предметов, которые, падая, создали невообразимый шум. Вспыхнул свет, и громкий голос свекрови известил всех, что Лиза, наконец, дома и ее усилия остаться незамеченной, пропали даром.

...Щурясь от яркого света, Дубровская смотрела себе под ноги, стараясь понять причину домашнего землетрясения. Целая гора чемоданов, дорожных сумок и маленьких дамских ридикюлей заполонила узкое пространство коридора. Апофеозом всего этого безобразия стал розовый пушистый чемоданчик с изображением не то бегемота, не то черепахи, свалившийся прямо на ногу Елизавете.

– Что это? – оторопело спросила она, указывая на кучу сумок. – Пока меня не было дома, у нас открылся отдел кожгалантереи?

– Лучше, милочка, лучше! – воскликнула свекровь, донельзя довольная тем, что удалось вовремя перехватить Елизавету. – У нас гости, дорогая. И если повезет, они пробудут у нас все лето!

Вот уж действительно повезет! У Елизаветы от такой перспективы пошла голова кругом, и она, как слепая, вошла за Мерцаловой в гостиную. Первым, на что она обратила внимание еще на входе, стал роскошный парик, белокурыми прядями разметавшийся по диванным подушкам. Впрочем, как оказалось, она поторопилась с выводами, поскольку замечательная шевелюра была настоящей и принадлежала рослой блондинке, возлежавшей в кресле свекрови с почти королевской непринужденностью.

– Знакомься, это Клара! – сказала Мерцалова, представляя Дубровской гостью. – Моя племянница по линии старшего брата.

«Карл у Клары украл кораллы!» – проговорила про себя Лиза, оглядывая невесть откуда свалившуюся на голову родственницу.

Она, впрочем, не производила впечатления бедной родни. Лет тридцати пяти, высокая, грудастая, Клара походила на большую надувную куклу. Сходство завершали невероятно пухлые губы и голубые глаза под густыми метелками ресниц.

– Представляешь, она к нам приехала снимать пробы! – говорила свекровь, а Елизавета никак не могла взять в толк, о каких пробах идет речь. Может, речь шла о кухне?

– Ах, тетя, вечно вы все путаете! – махнула рукой Клара. – Все пробы давно сняты, и я утверждена на роль.

– Так вы – актриса? – с оттенком благоговения спросила Лиза.

– Разумеется. Правда, сниматься я пока буду в серии рекламных роликов, – оповестила ее кинодива, взмахнув опухшими ресницами.

– Замечательно! – всплеснула руками свекровь. – Быть может, ты меня сведешь с кем-нибудь из артистической тусовки? Ты не представляешь, дорогая, с кем мне приходится иметь дело. Врачи и юристы – самые занудные люди на свете!

Мерцалов, сидевший в кресле напротив, только подавил улыбку. Клара восприняла восторженность тети как должное.

– Ну, не знаю, – капризно ответила она. – Честно говоря, я не представляю, как смогу все успеть. Репетиции, съемки, а по вечерам встречи с нужными людьми. Вы же понимаете, я не собираюсь ограничиваться только рекламой. А тут еще *это*!

– Ну, насчет *этого* можешь не беспокоиться, – улыбнулась свекровь, стараясь угодить родственнице.

– Наша жизнь станет *от этого* только веселее! – отозвался Андрей. – Честно говоря, этот дом давно пора встряхнуть. Правда, Лиза?

Дубровская неопределенно пожала плечами. Честно говоря, она не понимала, зачем встряхивать их красивый и добротный дом.

– Но вы не представляете, *это* такая морока! – воскликнула Клара, обводя взглядом мученицы окружающих.

– Может, объясните, наконец, о какой мороке... – потеряв терпение, начала говорить Дубровская, но запнулась, словно натолкнувшись на препятствие. Прямо напротив нее, утонув в подушках дивана, сидела маленькая рыжая девочка...

– Это Дуся, мой маленький несчастный случай! – сказала Клара, представляя Дубровской свою дочь. – Ей почти восемь лет, и у нее каникулы.

Честно говоря, Елизавета была удивлена, что такая разухабистая бабенка, как Клара, являвшая собой великолепный образчик современной матери-кукушки, дала своей дочери простое русское имя да еще с легким оттенком деревенщины! Дуся...

«Должно быть, так ее нарекли санитарки в родильном доме, – успокоила себя Лиза. – А у матери не хватило потом ни желания, ни времени подобрать для дочери что-нибудь более подходящее».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.